

РАЗСАДНИКИ РАСКОЛА НА УРАЛЬ.

(Отрывки изъ архивныхъ сказаній).

Въ литературѣ нашей встрѣчается довольно много описаній, специальныхъ изслѣдованій, очерковъ, разсказовъ и даже романическихъ повѣствованій изъ замкнутой жизни раскольническихъ исповѣдниковъ въ знаменитыхъ Иргизскихъ (Самарской г.) и Керженскихъ (Нижегородской г.) скитахъ, ярко рисующихъ бытъ, нравы и обычаи этихъ отщепенцевъ Христова стада, ихъ религиозныя воззрѣнія, ихъ заскоруслыя взгляды на прочихъ обитателей и ихъ враждебныя отношенія къ власти духовной и гражданской. Но мало еще имѣется въ печати свѣдѣній о дѣятельности сектанскихъ проповѣдниковъ въ глухихъ тѣснинахъ Уральскаго хребта и непроходимыхъ дебряхъ Сибирскихъ, куда приверженцы старины нарочито уходили спасать свою грѣховную душу подальше отъ соблазновъ мірскихъ и ненавистнаго „антихристово“ правительства, ибо говорилось въ „Апокалипсисѣ“ св. апостола Іоанна Богослова: „при послѣднемъ концѣ, яже распространится власти антихристовой, да бѣгутъ вѣрующіе въ горы“.

Благодаря отдаленности избранныхъ ими укромныхъ мѣстъ отъ центра Россіи, туда, разумѣется, не могли проникнуть не только добровольные изслѣдователи, но даже мѣстному полицейскому начальству не всегда удавалось отыскать въ безпросвѣтной тайгѣ тѣхъ главарей, которыхъ требовало перехватить высшее правительство, ради пресѣченія ихъ преступной дѣятельности. Поэтому и въ архивной пыли остались немногія о тамошнемъ расколѣ данныя, по которымъ трудно вполнѣ безошибочно установить степень его развитія,

отличительныя свойства его вѣроученій и бытовыя особенности закоренѣлыхъ въ своемъ упорствѣ фанатиковъ. Печальнѣе всего то, что епархіальное вѣдомство, на обязанности котораго, казалось бы, лежало сбереженіе—въ интересахъ богословской и исторической науки и ради успѣховъ миссіи—всѣхъ, поступающихъ къ нему, о сектантахъ матеріаловъ, самому же ему необходимыхъ для выясненія темныхъ сторонъ мѣстнаго раскола и его антиправославнаго направленія,—наоборотъ, какъ увидимъ ниже, уничтожало ихъ, погубляя такимъ образомъ безвозвратно массу весьма важныхъ и интересныхъ для бытовой и религіозной оцѣнки сектанства документовъ.

При такомъ положеніи, не задаваясь широкой задачей всесторонне и обстоятельно описать эту отрасль нашего печальнаго прошлаго, рѣшаюсь я привести на страницахъ историческаго изданія только тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя удалось извлечь намъ¹⁾ изъ архивныхъ хранилищъ, несмотря на всевозможные тормозы со стороны мѣстнаго начальства.

1. Часовни и молельни раскольниковъ.

Судя по „Исторической запискѣ“ епископа Оренбургскаго и Уфимскаго Антонія²⁾, расколъ въ Приуральскомъ краѣ начался со времени появленія тамъ первыхъ русскихъ поселеній въ XVII столѣтіяхъ. Распространителями его были стрѣльцы гг. Уфы, Мензелинска, Бирска, Сперлитамака, издавна державшихся стойко основъ старой вѣры. За ними понесли сюда сѣмена раздора мастеровые и горнорабочіе мѣдиплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, возникшихъ въ тущобахъ дикой Башкиріи съ половины XVIII вѣка,—переселенные туда изъ зараженныхъ сектанствомъ губерній Нижегородской, Тамбовской, Московской, Владимірской, Тульской, Симбирской и сосѣдней Пермской. Къ началу XIX столѣтія тамъ насчитывалось уже болѣе 40 тыс. раскольниковъ.

Вслѣдствіе слабаго надзора со стороны мѣстнаго начальства, они свободно отправляли свои богослуженія и религіозныя собранія, имѣя для того особыя дома, а иныя—отдѣльныя часовни. По свѣдѣніямъ,

¹⁾ Говорю „намъ“ потому, что, кромѣ матеріаловъ, лично мною добытыхъ въ канцеляріи бывшаго Оренбургскаго ген.-губернатора, нѣсколько данныхъ изъ Уфимск. губернс. архива любезно доставлены мнѣ бывш. преподавателемъ тамошней клас. гимназіи М. В. Правдинымъ (вслѣдствіи директоръ народ. училищъ Олонеккой губ.).

²⁾ Помѣщенной мною въ „Рус. Архивъ“ за 1915 г., кн. III.—Настоящая статья служитъ какъ бы дополненіемъ къ включеннымъ въ нее даннымъ о тамошнемъ расколѣ.

собраннымъ, согласно Высочайшаго повелѣнія, въ 1827 году, въ Уфимскомъ уѣздѣ насчитывалось пять такихъ молитвенныхъ избъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ прочихъ, за исключеніемъ уставленныхъ къ передней стѣнѣ иконъ въ большомъ количествѣ, передъ которыми висѣло нѣсколько „паникадилъ“, а на столѣ, нарочито для того поставленномъ, лежали свящ. книги. Столько же этихъ домовъ находилось въ Белебеевскомъ уѣздѣ. Г. Бугульма имѣлъ одну моленную и четыре были разбросаны въ окружныхъ селеніяхъ. Уѣздъ Бирскій насчитывалъ ихъ десять. Въ Челябинскѣ была часовня и 28 молитвенныхъ избъ въ уѣздѣ, изъ коихъ самой древней считалась въ дер. Кокоркиной, построенная въ 1766 г.; позднѣе были выстроены онѣ въ дер. Редутской и Сладкіе Корни, потомъ въ Воробьевой (въ 1772 г.), Ерохинской (съ 1774), Харлушевой (1779), с. Введенскомъ (1780), дер. Петелиной (1785), Синеглазовой (1787) и около 90-хъ гг. въ Соколовой, при Окуневскомъ острогѣ, и Кайгородцевой.—У раскольниковъ Бугурусланскаго уѣзда существовали часовни въ дер. Старовѣрской и Сосновкѣ, возникшія въ 80-хъ гг. того же столѣтія. Въ уѣздѣ Оренбургскомъ были: моленная одна и одна же „изба для молитвы“, да въ предмѣстьи города форштадтѣ, гдѣ жили Оренбургскіе казаки, одна часовня.

Болѣе всего молитвенныхъ домовъ находилось на территоріи Уральскаго войска, почти сплошь зараженнаго старовѣрствомъ поповщинскаго толка (около 30 тыс. душъ об. п.), хотя официально значилась только одна часовня „въ концѣ юговосточной части г. Уральска, близъ ронци и стараго теченія р. Урала“, сооруженная, по словамъ старожиловъ, „съ незапамятныхъ временъ.“ Она помѣщалась въ каменномъ, крытомъ желѣзомъ, зданіи съ четырьмя входами, „окружностью 120 шаговъ, и была огорожена деревянной рѣшеткой. Независимо отъ этого, говорилось въ отчетѣ, „почти у всякаго изъ чиновниковъ и казаковъ имѣлись особливья, такъ называемыя избранныя, моленные, куда собирались для отправленія богослуженія тѣ, кои не принадлежали къ общей часовнѣ“. Существовали онѣ въ казачьихъ домахъ на всемъ протяженіи Урала, начиная отъ Илецкаго до Гурьева городка, по нѣскольку въ каждой станицѣ, хуторѣ или форпостѣ.

Богослуженіе въ нихъ производили избранные изъ среды же казаковъ начетчики; но въ часовнѣ городской служба совершалась „священниками, отлучившимися отъ православной церкви, на основаніи указа отъ 22 Марта 1822 года (?), а св. дарами сподоблялись

отъ старообрядцевъ Иргизскихъ церквей, заимствуя отъ оныхъ и самое священство.¹⁾

Такое заимствованіе, однако, было сопряжено съ большими затрудненіями и расходами, ибо иргизскіе скиты очень неохотно поступались своими попами, такъ какъ „перекидывавшихся“ изъ православія въ расколъ пастырей, вслѣдствіе преслѣдованія со стороны епархіальнаго и гражданскаго начальствъ, съ каждымъ годомъ становилось меньше. Между тѣмъ потребность въ священникахъ ощущалась большая, потому что, кромѣ часовни, нужны были они и для скитовъ: Сергіевскаго и Ананьевскаго (мужскихъ), Гниловскаго и Садовскаго (женскихъ), находившихся въ отрогахъ Общаго Сырта, и Бударинскаго на нижней Уральской линіи. Поэтому Уральцамъ давно хотѣлось имѣть свое духовенство, чтобы, видимо, учредить въ войскѣ свою старообрядческую митрополию, по примѣру процвѣтавшей съ разрѣшенія Императрицы Екатерины II на р. Иргизѣ. Обстоятельства этому, какъ будто, благопріятствовали.

Въ 1831 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи въ ихъ войскѣ тягостной для казаковъ откупной системы, съ представленіемъ самимъ имъ права „вольной продажи вина и водки,“ но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на получаемые отъ этой торговли доходы войско соорудило десять каменныхъ церквей, и одна изъ нихъ уже была заложена въ томъ же году, согласно Высочайше утвержденному плану.²⁾

Случаемъ этимъ не замедлилъ воспользоваться попечитель городской часовни Мизиновъ и въ поданномъ 6 Декабря „довошеніи“ атаману Покатилову просилъ отъ лица всего старообрядческаго общества „дозволить собственно для нихъ соорудить одну церковь, обративъ на сіе“ указанную часовню на томъ же основаніи, какъ въ ней „до нынѣ отправлялось богослуженіе“ и чтобы „освятить ее имѣющіеся у нихъ священники по обрядамъ иргизскихъ церквей.“ А священство, далѣе говорилъ онъ, „позволить избрать намъ самимъ изъ православныхъ,

¹⁾ Изъ донесенія попечителя этой часовни есаула Мизинова Уральскому войсков. атаману ген.-м. Покатилову 6 декабря 1831 года.

²⁾ Послѣдовавшимъ 1 апрѣля 1833 г. Высочайшимъ на имя Сената указомъ разъяснено было, что доходы отъ питейныхъ сборовъ по Уральскому войску должны поступать въ распоряженіе войскового начальства только съ 1 Января 1835 г. и слѣдовательно лишь съ этого времени продолжать дальнѣйшую постройку предназначенныхъ къ сооруженію храмовъ.

со свѣдѣнія мѣстнаго или епархіальнаго начальства, или же оставить сіе въ существующемъ положеніи,⁴ обязавъ лишь этихъ поговъ „стоять въ полной зависимости отъ Уральской войсковой канцеляріи, куда они должны представлять всѣ церковныя метрическія книги и отчеты. Иначе говоря, Уральцы не хотѣли быть зависимыми отъ епископа православнаго, что, конечно, не могло быть допустимо по каноническимъ правиламъ.

Однако, видимо, не вѣдая этого, генералъ Покатиловъ согласился на ихъ просьбу, хотя съ условіемъ предварительнаго ограниченія ихъ прихода, требуя отъ нихъ приведенія „въ точную извѣстность прихожанъ“, и болѣе послѣ того не принимать никого въ свое общество, и чтобы избранные „со свѣдѣнія епархіальнаго начальства“ священники (не больше 2-хъ) остались подвѣдомственны послѣднему „по крайней мѣрѣ въ отношеніи исправнаго веденія метрическихъ книгъ и духовныхъ росписей“, и ни подъ какимъ видомъ отъ этой церкви изъ Уральска не отлучались бы никуда.

„При закоснѣлости старообрядцевъ,—писалъ онъ Оренбургскому военному губернатору,¹⁾—нельзя надѣяться, чтобы когда либо мѣрами строгими“ можно было обратить ихъ къ православію, „но съ удовлетвореніемъ означеннаго ихъ желанія, при благоразумномъ вліяніи епархіальнаго начальства, возможно, полагаю, достигнуть того, что избранные православные священники, заслуживъ ихъ довѣріе, постепенно выведутъ ихъ изъ тьмы заблужденія, или, по крайней мѣрѣ, приготовятъ къ тому слѣдующее поколѣніе; и, такимъ образомъ, при помощи Божіей, сей молитвенный храмъ обратится потомъ въ церковь православную.“ Остается только желать, чтобы выбирались туда „люди достойные и могущіе содѣйствовать видамъ правительства.“

Безусловно, заманчивы были рисуемыя перспективы, только трудно было осуществить эту мечту, при крайней подозрительности Уральцевъ и ихъ широкомъ свободолобіи, доходившемъ иногда въ

1) Ген.-адъют., графу Павлу Петровичу Сухтелену.—Необходимо пояснить, что до 1850 г. въ составъ Оренбургск. губерніи входили кромѣ нея въ теперешнихъ границахъ, еще губернія Уфимская и часть Самарской (уѣзды Бугульминск., Бузулукск. и Бугурусланск.), области Тургайская подъ именемъ Оренбургск. пограничной комиссіи и земли Оренбургск. и Уральскаго войскъ. Центръ духовнаго и гражданскаго управленія находился въ г. Уфѣ, гдѣ имѣли пребываніе епископъ и граждан. губернаторъ. Общее же руководство сосредоточивалось въ лицѣ военнаго губернатора, на правахъ корпуснаго командира, который жилъ въ Оренбургѣ.

разрѣзъ съ собственными интересами до „моему здраву не препятствуй.“

Однако, графъ Сухтеленъ поддался на эту удочку и, не спесясь съ епископомъ Оренбургскимъ Михаиломъ, въ такомъ же духѣ сдѣлалъ (9 Января 1832 г.) представленіе министру внутреннихъ дѣлъ, графу Л. А. Перовскому.

Въ столицѣ на это дѣло взглянули нѣсколько иначе. Соизволяя на перестроеніе этой часовни, Государь Императоръ повелѣлъ 26 Мая дѣлать уральцамъ внушенія чрезъ ихъ начальниковъ, при содѣйствіи духовныхъ лицъ, объ устроеніи единовѣрческой церкви, въ которой богослуженія будутъ совершать выбранные ими, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, священники по старопечатнымъ книгамъ, съ тѣмъ, чтобы раскольники присоединились къ ней на правахъ единовѣрія, „ибо, писалъ 5 Іюня гр. Перовскій, до нынѣ принимаемые ими попы, какъ и приглашаемые изъ Иргизскихъ монастырей, суть бѣглые и преступные и потому законно священнодѣйствовать не могутъ.“¹⁾)

Уральцы воспротивились этому и упорно продолжали отстаивать святость и неприкосновенность своей часовни, по прежнему отправляя въ ней богослуженія съ бѣглыми попами. Когда же, ради прекращенія вреднаго ея вліянія на окружающихъ, генералъ Покатиловъ вздумалъ, было, воспретить въ ней совершеніе браковъ, требуя отъ офицеровъ и чиновниковъ вѣнчаться въ единовѣрческой церкви, то первыми противъ этого вмѣшательства атамана возстали братья Мизиновы съ другими сообщниками изъ войсковыхъ старшинъ, ссылаясь на указъ 26 марта 1822 г., будто бы дозволившій имъ производить всѣ требы въ часовнѣ, „яко существующей съ издавнихъ лѣтъ.“

Волненіе принимало угрожающій характеръ. Покатиловъ принужденъ былъ донести о событіи гр. Сухтелену. „Оставьте ихъ въ покоѣ,—отвѣтилъ ему (31 Октября 1832 г.) послѣдній,—только велите записывать вѣнчанныя тамъ браки въ метрическія книги и представляйте ихъ гражданскому губернатору.“

Стало прививаться единовѣріе къ Уральцамъ лишь съ 1842 г., когда, послѣ смерти послѣдняго раскольническаго попа, часовня была

¹⁾ Дѣло канцеляріи Оренбург. ген.-губернатора 1831 г. „О дозволеніи постройти въ Уральскѣ старообрядческую церковь.“

преобразована въ Успенскую церковь. Но успѣху православной миссіи помогли больше появившіеся въ 50-хъ гг. на Уралѣ лжепастыри буковинскаго посвященія (австрійскаго толка), которыхъ не признали казаки, называя ихъ волками, дерзко похитившими благодать св. Духа.¹⁾ „Лучше изъ двухъ золъ взять *меньшую*,“—рѣшили они и въ 1856—58 гг., подѣ благоразумнымъ воздѣйствіемъ атамана Столыпина,²⁾ почти всѣ присоединились къ св. церкви, лишь бы не быть подѣ началомъ „лживыхъ“ проповѣдниковъ.³⁾

Одновременно началось развитіе единовѣрія и въ уѣздахъ Приуральскаго края, вслѣдствіе чего расколъ значительно уменьшился. По свѣдѣніямъ⁴⁾ 1867 года уже показывалось въ Уфимскомъ уѣздѣ 316 м. п. и 393 ж. п. единовѣрцевъ; раскольниковъ, приемлющихъ священство, было 444 муж. и 554 жен. п., безпоповщинской секты признающихъ бракъ и молившихся за царя 792 мужчинъ и 848 женщинъ, не признающихъ брака и молившихся за царствующій домъ всего пять, скопцовъ 27 и 35 душъ. Въ уѣздѣ существовала единовѣрческая церковь и официально числилась одна же старообрядческая молельня въ Благовѣщенскомъ заводѣ.

Уѣздъ Мензелинскій имѣлъ признающихъ священство 12 муж. и 18 жен. п. и безпоповцевъ брачныхъ 74 и 78 душъ. Въ Белебеевскомъ—считалось 246 м. п. и 252 ж. п. единовѣрцевъ, 1671 муж. и 1975 женс. поповцевъ и 105+142 брачныхъ безпоповцевъ. Часовень было двѣ въ Нижне-Троицкомъ заводѣ.

Очень туго прививалось единовѣріе къ поселенцамъ Стермонтамакскаго уѣзда, гдѣ послѣдователей его числилось лишь шесть. Тогда какъ брачныхъ безпоповцевъ состояло 976 мужчинъ и 1001 женщина. Христова проповѣдь успѣшнѣе распространялась въ уѣздѣ Бирскомъ, гдѣ было 374 м. п. и 451 ж. п. единовѣрцевъ, имѣвшихъ свою церковь въ селѣ Куяштырь; у брачующихся же и признававшихъ царскую власть безпоповцевъ въ числѣ 879 душъ муж. п. и 1022 ж. п. моленная находилась въ с. Аскинѣ.

1) Какъ извѣстно, въ 1848 г. низложенный патріархомъ греческій митрополитъ Амвросій рукоположилъ въ Буковинѣ перваго раскольниковскаго епископа Кирилла.

2) Аркадій Дмитріевичъ (отецъ премьеръ-министра П. А—ча), во время турецкой войны 1877—78 г. былъ румельскимъ ген.-губернаторомъ, потомъ Московскимъ дворцовымъ комендантомъ.

3) Подробности объ этомъ см. въ моей статьѣ „Начало единовѣрія на Уралѣ“ („Рус. Старина“ 1894 г., в. VIII).

4) Дѣло канцеляріи Уфимск. губернатора за тотъ же годъ, вяз. 1, № 17.

Но по прежнему сильно зараженный расколомъ оставался уѣздъ Златоустовскій, съ его горными заводами и непроходимыми дремучими лѣсами, несмотря на присоединеніе къ единовѣрью въ 1844 г. 516 жителей изъ этого города. Черезъ семь лѣтъ число ихъ возросло только до 256 м. п. и 278 ж. п. Но въ духовныхъ росписяхъ за 1856 г. показывалось не бывшихъ у исповѣди и св. причастія 5870 златоустовцевъ. Очевидно, среди нихъ находилось преимущественное количество раскольниковъ. По крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ 1867 г. православныхъ, обнаруживавшихъ склонность къ расколу, считалось въ уѣздахъ Бирскомъ и Златоустовскомъ 3018 душъ муж. п. и 3036 жен. пола. Единовѣрцевъ же показывалось въ послѣднемъ лишь 338 мужчинъ и 367 женщинъ. Между тѣмъ пріемлющихъ священство староѣровъ числилось 658 м. п. и 708 ж. п., брачныхъ безпоповцевъ 1940 муж. и 2074 женщ. и трое скопцовъ. Кромѣ того, въ самомъ Златоустовѣ оперировала секта „подрѣшетниковъ“, признававшая въ богослуженіи главенство Божьей Матери въ лицѣ избранной ими дѣвицы, у которой въ домѣ и происходили скрытныя собранія.

Поповщинскія моленные находились въ Златоустѣ, Кусинскомъ заводѣ и с. Ногушахъ, безпоповщинскія—въ дерр. Куваши и Месяда, заводахъ Кусинскомъ (три), Сатгинскомъ и Юрезанскомъ и с. Бѣлокатай; да въ труднопроходимыхъ лѣсныхъ заросляхъ около горъ Таганая и Юрмы¹⁾ скрывались два скита австрійскаго согласія и одинъ поморскій.

II. Скиты и обители.

Въ дикихъ дебряхъ Урала, гдѣ располагаются отроги вершинъ Таганая и Юрмы, на границѣ губерній Оренбургской, Пермской и Уфимской, какъ повѣствуютъ архивныя сказанія, вѣгами стояла непроглядная глушь и угрюмая, непробудная тишина, ненарушаемая ни крикомъ, ни звукомъ, ни движеніемъ. Жилъ тамъ только медвѣдь въ берлогѣ, да на утесахъ неприступныхъ скалъ вилъ свои гнѣзда горный орелъ.

Извѣстная въ народѣ подъ именемъ „Таганайской стороны“, мѣстность эта въ предѣлахъ Златоустовскаго завода представляла въ началѣ прошлаго столѣтія самую гористую полосу Уральскаго кряжа, покрытую густымъ, и мѣстами совершенно непроходимымъ лѣсомъ, соединяющимся съ Сибирской тайгой. Ни просѣкъ, ни дорогъ, кромѣ

¹⁾ У Объ этомъ см. ниже.

небольшихъ, чуть-чуть замѣтныхъ, и то мѣстнымъ жителямъ только, тропинокъ, проходившихъ въ извѣстныхъ направленияхъ. На низинахъ, въ глубокихъ впадинахъ между горъ была постоянная сырость; невидавшая солнца влажная земля мѣстами переходила въ сплошныя болота, по которымъ могли проходить только умѣлые люди, перескакивая съ кочки на кочку. А когда разливалась тамъ непогода—туманъ или дождь,—совсѣмъ нельзя было пройти ихъ; даже на мѣстахъ болѣе возвышенныхъ надвигалась такая темень, что въ 2—3 саж. невозможно было различить предметы. Самые опытные мѣстные охотники сбивались съ пути и теряли отмѣченныя направленія, тщетно иногда нѣсколько дней подъ рядъ стараясь выбраться изъ засасывающей трущобы.

И вотъ эти унылыя, безлюдныя мѣста, недоступныя для постороннихъ наблюдателей, облюбовали себѣ раскольническіе главари для своихъ пристанищъ, чтобы свободно и невозбранно распространять отсюда свое ученіе по окружнымъ селеніямъ. Они чувствовали тамъ себя въ полной безопасности, ибо правительственныя власти достать ихъ не могли, а мѣстные жители, въ большинствѣ придерживавшіеся раскола, зорко оберегали ихъ. Почти во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ были у старцевъ агенты, при малѣйшемъ подозрѣніи предупреждавшіе ихъ объ опасности. Даже православные поселенцы отказывали властямъ въ содѣйствіи для поисковъ за ними, боясь нажить между старовѣрами враговъ. Да и не улыбалось никому тратить даромъ трудовое время въ погонѣ съ полицейскими чинами за скрывающимися раскольническими отшельниками.

Когда появились они въ Уральскихъ горахъ, за отсутствіемъ данныхъ, нельзя опредѣлить того съ точностью. Но, безъ сомнѣнія, дѣятельность старообрядческихъ вѣроучителей началась съ ростомъ въ тѣхъ мѣстахъ русскихъ поселеній, заводовъ и промышленныхъ предпріятій, занимавшихся разработкой рудныхъ богатствъ Урала. По свѣдѣніямъ Оренбургскаго преосвященнаго Антонія, впервые обнаружены были скиты въ послѣдней четверти XVIII столѣтія въ с. Введенскомъ и дерр. Слаткиной, Жуковой и Гагариной, Челябинскаго уѣзда. Въ 1762 г. былъ пойманъ тамъ же монахъ Варлаамъ, успѣвшій скрыться до окончанія слѣдствія: въ 1779 г. оперировалъ бѣглый инокъ Ѳеодотъ, на другой годъ какой-то Даніилъ; потомъ два года спустя среди раскольниковъ г. Челябинска поселился Екатеринбургскій житель Колосовъ; одновременно былъ обнаруженъ „потаенно“ проживавшій въ крѣпости Коельской проповѣдникъ Бѣгуновъ, основатель извѣстной секты того же названія. Въ 1776 г. нѣсколько лжеучителей

вращались по крѣпостямъ Уйской линіи, совращая въ расколъ казаковъ Оренбургскаго войска. Около 1800 г. жили поблизости Верхне и Нижне-Троицкихъ заводовъ (Белебеевскаго уѣзда) бѣжавшіе изъ Иргизскихъ монастырей иноки.

Лѣтомъ 1830 г. случайно отыскался еще одинъ скитъ. Открылъ его Верхотурской заводской церкви причетникъ Головинскій. Отправившись въ сосѣдній лѣсъ на охоту, онъ набрелъ на избушку, затерявшуюся между утесами горъ, въ 12 верс. отъ селенія; заглянулъ въ нее: тамъ сидѣло шестеро мужчинъ въ старообрядческихъ иноческихъ костюмахъ, занимавшихся „домашними издѣліями.“ Пришли они туда, по ихъ словамъ, въ числѣ 12 человекъ „спасаться“ изъ Уральскаго войска. Однако, когда нѣсколько времени спустя, полиція оцѣпила избу, ихъ тамъ оказалось только трое, причемъ одинъ изъ нихъ назвался крестьяниномъ того же завода Гурьяномъ Никифоровымъ, другой былъ отставной солдатъ Несторъ Михайловъ съ билетомъ отъ Бузулукской инвалидной команды, а третій также именовалъ себя государственнымъ крестьяниномъ Купріяномъ, по прозвищу „Неизвѣстный“. Остальные, видимо, успѣли скрыться.¹⁾

Въ ту пору такіе случаи были обычнымъ явленіемъ. Мѣстные полицейскіе чины не преслѣдовали скитниковъ и не доносили о нихъ по начальству—съ одной стороны, чтобы избѣжать сопряженныхъ съ этими дѣлами хлопотъ, а больше—изъ боязни озлобить население, платившее имъ за сокрытіе своихъ учителей извѣстную мзду.

Обычно иноки жили группами, но были и такіе, которые спасались въ одиночку, какъ наложившіе на себя обѣтъ подвижничества отшельники. Объ этихъ мало знали не только полиція, но и многіе изъ окружныхъ жителей, потому что такіе пустынники рѣдко показывались изъ своихъ потаенныхъ обиталищъ. Если присутствіе ихъ и обнаруживалось иногда, то вслѣдствіе какихъ либо особенно выдающихся событій, какъ это случилось, на примѣръ, въ 1831 году.

Въ началѣ этого года дошло до свѣдѣнія III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи о появившихся въ имѣніи княгини Бѣлосельской-Бѣлоозерской „нетлѣнныхъ мощахъ“ близъ дер. Новосергіевской, Уфимскаго уѣзда, въ горной пещерѣ. Шефъ жандармовъ, графъ Бенкенсдорфъ предписалъ Оренбургскому гражданскому губер-

¹⁾ Дѣло канцел. Оренбур. ген.-губернатора „О появленіи раскольниковъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ“.

натору I. Л. Дебу разслѣдовать объ этомъ въ подробности. По наведеннымъ справкамъ, отыскалась во врачебной управѣ переписка о вскрытіи мертвaго тѣла неизвѣстнаго человѣка, похороненнаго въ пещерѣ на крутой горѣ по правую сторону р. Сима, около Усть-Катавскаго завода.

Съ наружной стороны пещера эта имѣла довольно большое овальное отверстіе около 10 саж. вышины и 12 саж. шириною. Чтобы пробраться въ нее, надо было пройти постепенно суживающееся до 3-хъ четвертей углубленіе, за которымъ проходъ расширялся, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удобныя для жительства помѣщенія въ видѣ комнатъ. За ними корридоръ продолжался на подобіе штолень, какія разрабатываются въ мѣдныхъ рудникахъ,—одни въ „натуральномъ положеніи“ съ куполами, другія—„плоскогладкія,“ точно нарочно были выложены плитами изъ твердаго извѣстняка. А дальше за ними, около 40 саж. длины, видѣлся такой узкій проходъ, что чрезъ него можно было пройти только ползкомъ. Отсюда путь расширялся вновь, оканчиваясь въ 120 саж. отъ перваго входа сдѣланными изъ дерева въ 1 ар. вышины дверцами, прибитыми на желѣзныхъ шалнерахъ къ косякамъ, которые плотно „съ мохомъ“ были вставлены въ высѣченный камень. За дверью находилась большая трехъугольная комната сажени въ 3 длиною. По срединѣ ея на днѣ прикрытой землей ямы помѣщался покойникъ, одѣтый въ монашеское платье, съ шапочкой на головѣ въ видѣ скуфьи, небольшимъ липовымъ крестомъ на шеѣ и зажатой въ крестообразно на груди сложенныхъ рукахъ лѣстовкой. Тѣло лежало на спинѣ, головою къ сѣверу, и уже стало разлагаться. Вынести его наружу не представлялось возможности.

Цѣлыхъ два года полиція не могла дознаться,—откуда, кто, какъ и для чего пробрался въ пещеру. По ея предположенію, тутъ было совершено заранѣе обдуманное убійство съ корыстною цѣлю. И въ такомъ направленіи производились подозрительные допросы. Однако, въ дѣйствительности оказалось совсѣмъ другое.

Умершій былъ казакъ Челябинской станицы Иванъ Волковъ, 70 лѣтъ, питавшій особенную страсть къ бродяжничеству и отшельничеству. Для этого онъ и „безъ спроса отлучался изъ команды“, но его перехватывали за безписьменность и отсылали въ Оренбургскую войсковую канцелярію. Наконецъ, тамъ сжалились надъ нимъ и выдали ему безсрочный билетъ. Иванъ пропалъ опять. Только шесть лѣтъ спустя, возвратился онъ въ свою станицу подъ именемъ инока Инно-

кентія и, захвативъ съ собой родственника Ивана Шишелова, отправился въ Кіевъ на поклоненіе свят. угодникамъ печерскимъ. Возвратившись оттуда, онъ простился со всѣми своими родными и ушелъ неизвѣстно куда.

Какъ показывали трое старовѣровъ Саткинскаго завода, его привезъ къ нимъ какой-то родственникъ. Когда тотъ уѣхалъ, Иннокентій удалился въ пещеру спасать свою душу. Черезъ нѣсколько дней двое саткинцевъ—Кузьминъ и Ложкинъ пошли навѣстить его, но нашли его уже „умерша“. Онъ лежалъ въ самомъ имъ устроенной могилѣ въ томъ видѣ, какъ его нашла полиція. Старовѣры только завалили ее землей.¹⁾

Сколько было этихъ пещеръ въ Уральскихъ горахъ и какимъ образомъ образовались онѣ, нѣтъ точныхъ данныхъ. Но безъ сомнѣнія не мало подобныхъ подвижниковъ находили въ нихъ мѣсто вѣчнаго упокоенія. Одни удалялись туда замаливать въ тиши и уединеніи свои грѣхи; другіе скрывались въ нихъ отъ преслѣдованія властей, находя радушную поддержку со стороны заводскихъ жителей, сердобольно относившихся ко всѣмъ „несчастненькимъ“.

Болѣе всего потянулось изгнанниковъ въ туманныя дебри Урала послѣ того, какъ были уничтожены знаменитые Иргизскіе скиты, служившіе пристанищемъ для всякаго рода бродягъ, бѣглыхъ и преступниковъ. А за ними, ради распространенія австрійской ереси, стали наводнять уральскія предгорья лжепастыри буковинскаго посвященія.

Какъ можно судить по архивнымъ отрывкамъ, начали они гнѣздиться тамъ еще въ концѣ 40 г.г., первое время не выдавая своего присутствія широкой дѣятельностью, такъ что мѣстныя власти не подозрѣвали о ихъ существованіи. Но потомъ дѣйствія ихъ перестали быть тайной для православнаго духовенства.

Лѣтомъ 1856 года Златоустовскому священнику Комарову удалось узнать о притонахъ старовѣрскихъ иноковъ. Одна партія ихъ—30 человекъ уже два года проживала въ 50 верст. отъ завода, на горѣ Юрмѣ, имѣя при себѣ походную церковь, въ которой совершали литургію для окрестныхъ раскольниковъ. Часть болѣе опытныхъ въ книжномъ дѣлѣ иноковъ была отправлена въ Австрію, чтобы получить отъ лжеепископа Кирилла рукоположеніе въ санъ „іерейскій“. Другіе

¹⁾ Изъ донесенія Дебу гр. Бенкендорфу 15 марта 1833 г.

тайно совершали поѣздки по окружнымъ заводамъ, распространяя „слово истинное“ и собирая „даянія благи“. Къ нимъ особенно благовольили жители Златоустовскаго завода, снабжавшіе ихъ всёмъ для пропитанія.

Другой скитъ съ неизвѣстнымъ числомъ братіи находился на половинѣ пути между этимъ и Кусинскимъ заводомъ, гдѣ лѣтомъ того же года старцы намѣревались соорудить подземную церковь. Носились слухи, что среди нихъ вращается какой-то „архіерей“ буковинскаго посвященія.

Когда преосвященный Антоній сообщилъ о томъ Оренбургскому генералъ-губернатору, ген.-лейт. А. А. Катенину, послѣдній (13 іюня) поручилъ производство розысковъ скрывающихся скитниковъ состоящему при немъ подполковнику Кузьмину-Короваеву, очень хорошо знавшему мѣстный расколъ, — предписавъ одновременно всёмъ земскимъ исправникамъ, начальнику горныхъ заводовъ уральскаго хребта, Оренбургскому граж. губернатору и командиру 5-го Оренбургскаго линейнаго батальона—оказывать ему въ этомъ случаѣ „всякое содѣйствіе“. Однако, сдѣлать это оказалось не такъ легко, ибо большая часть заводскихъ крестьянъ погрязла въ сектантствѣ. Рабочіе не только тайно принимали у себя иноковъ, но и щедро помогали имъ во всемъ. Торговавшій въ Златоустѣ мастеровой Андрей Кушневъ, у котораго была въ домѣ часовня, и купцы изъ единовѣрцевъ Иванъ Сорокинъ и Иванъ Шишкинъ довольно часто посылали въ скиты богатяя милостыни¹⁾.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, трудно было надѣяться на ихъ содѣйствіе къ поимки бѣглецовъ. Узнавъ о цѣли пріѣзда командированнаго офицера, мастеровые скорѣе затормозили бы ему порученіе, предупредивъ о готовящейся грозѣ скитниковъ. Поэтому Короваевъ отказался даже отъ сдѣланнаго ему начальникомъ горныхъ заводовъ полковникомъ Лисемъ предложенія воспользоваться для поисковъ ихъ услугами лѣсныхъ объѣздчиковъ. Онъ предпочелъ обратиться за помощью къ башкирамъ расположенныхъ по западному склону Уральскихъ горъ деревень, которымъ не представляло интереса что либо отъ него утаивать.

Туземцы повѣдали ему, что, охотясь по лѣсамъ за медвѣдями и оленями, видѣли шатающихся по Юрмѣ стариковъ, хотя жилищъ ихъ

¹⁾ Дѣло канцеляріи Оренбур. ген.-губернатора за 1887 г. „О поимкѣ лжемонаховъ, проживающихъ на горѣ Юрмѣ“.

не примѣтили, но знали колодець, около котораго ежегодно въ половинѣ мая собирались иноки съ окрестными старовѣрами молиться Богу. По ихъ словамъ, крестьяне с. Александровки, казаки Челябинскаго уѣзда и мастеровые заводскіе привозили или осенью или зимой подаянія. „Но теперь ихъ тамъ нѣтъ,—говорили башкиры.—Они кочуютъ вмѣстѣ съ заводскими крестьянами, которые съ 20 іюня по 15 августа увольнялись на свои покосы, и заводы прекращали на это время работы“.

Подъ предлогомъ осмотра принадлежащихъ башкирамъ лѣсныхъ дачъ и рудниковъ, подпол. Кузьминъ набралъ 37 охотниковъ изъ дерр. Петрушкиной, Раскиной, Абсалямовой и Тахтаровой и вмѣстѣ съ попечителемъ 7 и 8 контоновъ¹⁾ майоромъ Бородовицынымъ и рекомендованнымъ ему полков. Лисемъ горнымъ лѣсничимъ Романовскимъ направился (3 августа) въ заколдованную чащу.

По кратчайшему пути гора Юрма лежитъ въ 80 верст. отъ Златоуста, чрезъ башкирскія же деревни до нея считается не менѣе 100 верстъ. Часть ея въ то время принадлежала этому заводу, другая наслѣдникамъ московскихъ купцовъ Губиныхъ и Расторгуевыхъ²⁾, располагаясь на границѣ губерніи Пермской съ уѣздами Троицкимъ и Челябинскимъ Оренбургской. Съ прилегающими къ ней логами и отрогами она составляетъ площадь примѣрно въ 400 вер. и вся покрыта сплошнымъ непроходимымъ лѣсомъ, коимъ заводы еще не пользовались, „да едва ли, говоритъ Короваевъ, будутъ пользоваться чрезъ столѣтіе“.

Восхожденіе на гору облавники начали съ Хайбекова увала. Отсюда до подошвы Юрмы извивалась конная тропа, по которой можно было ѣхать только шагомъ. Цѣлыхъ пять часовъ верхами слѣдовали они по ней. Потомъ переправились чрезъ какую то горную рѣчку. И еще 2½ час. конной же тропой поднимались на Юрму съ западной стороны. Дальше шель спускъ чрезъ вторую по высотѣ сопку на восточной сторонѣ горы до тропы, ведущей къ телѣжной дороги изъ Челябинска къ Уфимскому озеру, который былъ совершенъ въ продолженіи трехъ часовъ верховой ѣзды.

1) Въ то время башкиры составляли особое конное войско, раздѣленное по управленію на 12 контоновъ (полковъ), во главѣ съ попечителями (командирами) ихъ.

2) Тѣ и другіе были завзятыми фанатиками раскола.

Отъ этого единственнаго на Юрмѣ пути, какъ разсказывали башкиры, въ осеннее время шли въ различныхъ направленіяхъ мало-замѣтныя тропинки, проложенныя, вѣроятно, молельщиками. Но въ описываемое время все лѣсное пространство поросло густой и высокой травой и не было замѣтно ни одинаго признака человѣческаго слѣда. Правда, поперекъ главной тропы попадались иногда свѣжіе шляхи, но, оказывается, они были протоптаны медвѣдями и всегда приводили къ разрытымъ муравейникамъ.

Пройдя еще $2\frac{1}{4}$ часа по тропѣ съ запада на востокъ, путники вышли на небольшую поляну приблизительно въ 800 квад. сажен. Отсюда проводникъ круто повернулъ на сѣверозападъ и безъ всякихъ слѣдовъ повелъ облавщиковъ въ крутой оврагъ. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа спуска они достигли родника, около котораго было устроено помѣщеніе для приходящихъ и стоялъ наложъ для совершенія службъ. На 15 саж. въ окружности находилась безлѣсная поляна, которая, судя „по огромной сплошной травѣ, по ней растущей, не посѣщалась ни кѣмъ по крайней мѣрѣ болѣе мѣсяца“.

Ниже по сѣверозападному оврагу были разбросаны какія то могилы, на поклоненіе коихъ, по словамъ башкиръ, притекали окрестные жители. Но шляховъ туда не было.

Черезъ полтора часа хода въ сильно густомъ лѣсу, по высокой травѣ, добрались облавщики до ряда деревьевъ, помѣченныхъ топоромъ. Еще около часа шли они по этимъ примѣтамъ, пока не достигли небольшой часовни, съ поставленными около нея балаганомъ и наложемъ, а рядомъ на деревѣ виднѣлись отчетливо сдѣланныя разными руками карандашныя надписи о погребеніи иноковъ Николая въ 1846 г., Сергія—1848, Авраама—1849 и Давида—въ 1850 году.

Въ часовнѣ находился мѣдный осьмиконечный поморскій крестъ. Другой такого же размѣра оказался въ подобной же часовнѣ, отстоявшей отъ первой саженьяхъ въ 400-хъ и при ней также были балаганъ и наложъ, сосудъ съ углями для куренія ладона, а передъ крестомъ половина восковой свѣчи и листовка¹⁾. Дальше помѣтки на деревьяхъ прекращались.

¹⁾ Листовка и оба найденныхъ креста были представлены Короваевымъ Оренбург. ген.-губернатору.

По словамъ Короваева, отысканныя могилы были расположены въ огромномъ едва проходимомъ лѣсу, растущемъ на низкомъ болотистомъ мѣстѣ, совершенно неудобномъ для жительства. Кругомъ на десятки квад. верстъ не было никакого человѣческаго жилья. Однако, башкиры увѣряли его, что Юрма, Таганай и Ицыль служили постояннымъ убѣжищемъ для бѣглыхъ и скитниковъ. По его предположенію, здѣсь скрывалось „сборище“ монаховъ подъ управленіемъ прибывшаго изъ Австріи іеромонаха Паисія, рукоположеннаго лже-епископомъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ (Буковинѣ).

Распустивъ послѣ трехсуточного осмотра Юрмы башкиръ, Кузьминъ направился съ двумя объѣздчиками Кусинскаго завода въ вершины р. Сатки къ Айлинской деревни, гдѣ въ самой дикой мѣстности надѣялись найти притонъ старовѣровъ. Но и тамъ не отыскалось никакихъ признаковъ ихъ. Тогда онъ рѣшился пробраться въ единовѣрческій мужескій монастырь, находившійся въ дачахъ Кусинскаго завода.

„У переправы черезъ р. Ай,—пишетъ Кузьминъ,—нашелъ я на берегу одного инока, возвращавшагося изъ женскаго недозволеннаго Правительствомъ скита. Я шелъ пѣшкомъ и вмѣстѣ съ нимъ переправился, какъ богомолецъ. Инокъ оказался человѣкомъ не глупымъ, но мало въ писаніи свѣдующимъ и очень болтливымъ. Отъ него я узналъ, что монастыремъ управляетъ іеромонахъ Іоаннъ, крестьянинъ с. Ярославля, Оренбургской губерніи, бывший строитель раскольническаго скита на р. Юрезани, послѣ жившій нѣсколько лѣтъ инокомъ въ Иргизскихъ монастыряхъ, потомъ въ скитѣ Сергіевскомъ (что на Общемъ Сыртѣ) и, наконецъ, въ 1847 г. принявшій единовѣріе“.

„Разказы инока облегчили мнѣ предстоящую съ игуменомъ бесѣду и дали поводъ предполагать, что управляемая имъ община, прикрываясь знаменіемъ единовѣрія, придерживается, однако, Епифаньевскаго согласія, занесеннаго въ предѣлы Заволжскаго края въ царствованіе Императрицы Екатерины II старовѣрамъ, вышедшими изъ Польши и Литвы и поселившимися по рр. Иргизу, Кинешмѣ и Кинели (Самарской губ.)“.—Согласіе это ранѣе всѣхъ раскольническихъ толковъ поповщинской секты сознало необходимость добыть себѣ какимъ бы то ни было путемъ архіереевъ, чтобы составить свою отдѣльную отъ православной церкви митрополію.

Іоаннъ произвелъ на него впечатлѣніе чловѣка отъ природы весьма умнаго и хорошо знавшаго свящ. писаніе; „но лукавство и

страсть къ таинственности, развитыя въ немъ сорокалѣтнимъ своеобразнымъ лжемудрствованіемъ надъ Свящ. Книгами, заставили меня думать, — говорить Короваевъ, что, несмотря на принятіе благословеннаго священства, въ душѣ онъ оставался все тѣмъ же раскольникомъ, сочувствующимъ старой вѣрѣ“. Вращаясь между мѣстными старообрядцами и живя поблизости отъ скитовъ, онъ, разумѣется, не могъ не знать о дѣятельности сектантскихъ лжеучителей въ предѣлахъ Златоустовскаго уѣзда, однако въ бесѣдѣ съ Короваевымъ не проронилъ ни единого о томъ слова, хотя тотъ „слегка клонилъ разговоръ на расколъ“.

На возвратномъ пути изъ монастыря подполковникъ встрѣтилъ двухъ слѣдовавшихъ туда путниковъ съ котомкамъ за плечами и посохами въ рукахъ. Странники-богомольцы шли въ Москву изъ Сибири, гдѣ посѣтили многія обители и съ особеннымъ умиленіемъ описывали Тесовскій скитъ Пермской губерніи, находившійся въ 150 верс. отъ Екатеринбургa, въ которомъ, по ихъ словамъ, „неложно сіяла истинная благодать“.

Это еще больше утвердило въ Короваевѣ мысль о покровительствѣ Айскаго единовѣрческаго монастыря раскольническимъ проходимцами, о чемъ, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, онъ повѣдалъ генералу Катенину. Были поэтому изданы распоряженія объ усиленіи полицейскаго и духовнаго надзора какъ за этой обителью, такъ и за окружными заводами и глухими мѣстами Пріуралья. Благодаря этому, въ августѣ слѣдующаго года были пойманы въ Усень-Ивановскомъ заводѣ Белебеевскаго уѣзда два раскольническихъ инока, назвавшіеся Климентомъ и Филаретомъ, которыхъ заключили въ Уфимскій рабочій домъ.

Спустя семь мѣсяцевъ въ восьми верс. отъ этого же завода на вершинѣ Лысыхъ горъ захватили еще двухъ старцевъ Серафима, или Семена, и Павла, или Пахома Степанова, показавшихъ себѣ по 80 годовъ. При нихъ былъ служба среднихъ лѣтъ крестьянинъ Трофимъ Яковлевъ. Скрывались они въ устроенной ими землянкѣ, гдѣ у нихъ оказались: двѣ старинныя книги, псалтырь и скитское покаяніе, нѣсколько писанныхъ тетрадокъ, заключавшихъ въ себѣ выборки изъ Свящ. Писанія, и два осмиконечныхъ литой мѣди Распятія, вставленные въ доску.

Наконецъ, въ іюль 1859 года около Филимоновской станицы, 9-го полкового округа Оренбургскаго войска были арестованы за

безписьменность двое бродягъ, изъ коихъ одинъ, 45 лѣтъ, назвался бѣглымъ помѣщичьимъ крестьяниномъ Николаемъ Ивановымъ Ивановымъ, другой—52 лѣтъ, Прокофій Павловъ Зиновьевъ, объявилъ себя инокомъ. При немъ была ветхая мантия, сшитая изъ разныхъ лоскутковъ, и старая плисовая камилавка, подаренныя ему въ Уральскихъ лѣсахъ какимъ то старцемъ Маркеріемъ „для покрыванія себя оными, какъ знакомъ, соотвѣтствующимъ монахамъ“.

По ихъ словамъ, шли они въ г. Троицкъ за покупкой свѣчей и ладона съ горы Большого Таганая (въ 80 верс. отъ Златоуста), гдѣ у нихъ былъ скитъ, существовавшій ранѣе около горы Юрмы (въ 60 верс. отъ Киштымскаго завода). Вслѣдствіе того, что изъ Киштыма часто стали набѣжать туда крестьяне за камнемъ для устройства заводскихъ горновъ,—братія, въ числѣ 15 человекъ, изъ боязни быть открытыми, перебралась на послѣднее мѣсто. Тамъ ихъ братскія келіи были разбросаны по лѣсной чащѣ отдѣльно другъ отъ друга и существовала сшитая изъ сугна походная церковь, въ которой 50-лѣтній, „высокаго роста“, игумень Зиновій съ попомъ Павломъ (по иночеству Паисій) и дьякономъ Коменторіемъ, совершали богослуженія, отправляли обѣдни и приобщали Св. Тайнъ какъ старцевъ, такъ и богомольцевъ изъ окрестныхъ деревень, особенно много приходившихъ туда въ большіе праздники.

Кромѣ этого скита, меньшія обители существовали еще: близъ озера Ильменскаго (въ 50 верс. отъ Міяскаго завода), гдѣ было нѣсколько старцевъ и правилъ ими другой (неизвѣстный по имени) попъ; около Чебаркульскаго озера (въ 10 верс. отъ Міаса), а недалеко отъ озера Тургойскаго (въ 30 вер. отъ Киштымскаго завода) проживало нѣсколько старицъ въ плохосколоченныхъ избушкахъ, однѣ изъ нихъ придерживались поповщинской секты и составляли особый скитъ; другіе—слѣдовали безпоповщинѣ и жили отдѣльной отъ первыхъ общиной.

Добрые люди,—разсказывали захваченные иноки,—привозили для братіи на заранѣе указанное мѣсто хлѣбъ, сыръ, масло, молоко, яйца. А чтобы не было обнаружено слѣдовъ, старались доставлять приношенія въ непогоду—лѣтомъ въ дождь, зимой на лыжахъ въ бурань. При малѣйшемъ подозрѣніи, пустынники немедленно покидали прежнія пристанища и переходили на другое, скрытное и болѣе безопасное мѣсто.

Въ свободное отъ богомоленій время, они занимались домашней работой и ремеслами; одни рисовали иконы, другіе вязали лѣстовки (четки), переписывали книги или выдѣлывали деревянную посуду, сбывая все это по окружнымъ селеніямъ своимъ единовѣрцамъ.

Болѣе расторопныхъ настоятель Зиновій (носившій у нихъ санъ архимандрита) посылалъ въ разные города, заводы и деревни Екатеринбургскаго, Шадринскаго, Челябинскаго и Троицкаго уѣздовъ съ различными порученіями—распространять „святые глаголы“, укрѣплять колеблющихся, чигать по умершимъ каноны и псалтыри и собирать добротныя подаянія „на церковь“ деньгами, свѣчами и прочими вещами.

Какъ говорили эти бродяги, Зиновьевскій скитъ существовалъ около 20 лѣтъ¹⁾, когда разрозненные старцы согласились избрать его своимъ игуменомъ, обязавшись подчиняться ему и исполнять все его наставленія и приказанія. Самъ онъ изъ горъ никуда не отлучался и занимался только богомоленіемъ, посѣщалъ проживающую въ разныхъ концахъ Таганайскаго лѣса братію и укрѣплялъ ихъ въ „истовой“ вѣрѣ.

Главная цѣль ихъ—не отступать отъ исповѣданія своихъ предковъ. Другихъ они къ тому не совращали, но и не отказывали приходящимъ ради спасенія души „исполнять все по старой вѣрѣ“. Такъ, на примѣръ, въ апрѣлѣ того же 1859 года были приняты въ число братіи два оренбургскихъ казака—одинъ 18, другой 20 лѣтъ и настоятель взялъ ихъ подъ свое покровительство, ибо они оказались оба хорошо грамотными.

По словамъ Прокофья Зиновьева, въ октябрѣ 1858 года пріѣзжалъ къ нимъ изъ Москвы „епископъ“ Геннадій,—средняго роста, бодрый старикъ лѣтъ 50-ти, съ русыми на головѣ и бородѣ волосами, въ которыхъ уже пробивала сѣдина. Чтобы не быть узаннымъ, онъ одѣвался „по мужицки“ въ длинный суконный кафтанъ. Во время своего пребыванія на Таганаѣ, всю зиму этого года до весны (когда ушелъ обратно въ Москву) онъ часто служилъ обѣдни и пріобщалъ народъ Св. Таинъ. А на Рождество Христово и Свѣтлое Христово Воскресеніе, вмѣстѣ съ игуменомъ Зиновіемъ, попомъ Паисіемъ и дьякономъ, служилъ литургію на горѣ Уралѣ (въ 100 верс. отъ Злато-

¹⁾ Значитъ, возникъ приблизительно въ 1838—40 гг.

устовскаго завода), куда брали для того походную церковь и собиравлась вся братія съ окружными раскольниками, особенно изъ ближайшаго Юрезанскаго завода. Иногда сходились человекъ до двухсотъ. Послѣ каждой обѣдни Геннадій произносилъ рѣчь и наставлялъ всѣхъ быть твердыми въ вѣрѣ, ими „исполняемой“, советуя не отступать отъ нея къ никоніанамъ, хотя бы пришлось потерпѣть гоненія, мученія и наипаче смерть¹⁾.

Къ сожалѣнію, при столь явныхъ пріемахъ противу православной въ горахъ Урала пропаганды, подлежащія власти не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ пресѣченія этого, по тогдашнему времени, зла. Лишь два года спустя²⁾, Уфимскій епископъ Филаретъ³⁾ возбудилъ вопросъ о поимкѣ Геннадія, который снова въ ноябрѣ 1861 года „тайно“ проѣзжалъ чрезъ Златоустовскій и Міясскій заводы, совершалъ богослуженіе въ раскольническомъ скиту, находившемся между дерр. Тургоякской и Куштумгайской (на восточной сторонѣ Уральскаго хребта), освящалъ тамъ походную церковь и поставилъ въ попы проживавшаго въ Катавъ-Ивановскомъ заводѣ иконописца Ксенофонта Макарова.

Постоянное пребываніе лжеіерархъ этотъ имѣлъ въ гг. Екатеринбургъ и Тюмени, откуда разѣзжалъ по селеніямъ губерній Оренбургской, Пермской и Тобольской, составлявшихъ его раскольническую епархію съ титуломъ „епископа Сибирскаго“.

Хотя о сообщеніи владыки немедленно было дано знать полицейскимъ властямъ, но только 6 декабря этого года екатеринбургскому полицейместеру удалось накрыть лже-архіерея въ г. Златоустѣ у проживавшаго тамъ Колыванскаго купца Чувикова. Съ нимъ вмѣстѣ былъ захваченъ вышепоказанный Ксенофонтъ. У обоихъ оказались „ставленные“ грамоты: у перваго за подписомъ „Антонія, архіепископа Владимірскаго и всея Руси“, у послѣдняго—съ подписью Геннадія. При немъ нашлась шелковая соборная архіерейская мантия.

По отобранному паспорту вновь испеченный попъ значился крестьяниномъ князей Бѣлосельскихъ, дер. Сергіевской, Вязниковскаго

¹⁾ Изъ донесенія ген.-губернатору командующаго Оренбургскимъ каз. войскомъ 22 октября 1859 г.—Повидимому, согласно указаній захваченныхъ бѣглецовъ, игуменъ Зиновій былъ схваченъ впоследствии, но когда и что было сдѣлано съ нимъ и его братіей,—въ архивѣ не сохранилось точныхъ свѣдѣній.

²⁾ Въ февралѣ 1862 г.—Дѣло канцеляріи граж. Губернатора, вяз. 2, № 89.

³⁾ Бывшій епископъ Ковенскій, викарій Литовскій. Правилъ Уфимской-Манзелинск. епархіей съ 1860 по 1869 г., перемѣщенъ въ Ниж. Новгородъ.

уѣзда, Владимірск. губ., и носилъ фамилію Вяхиревъ. Геннадій же письменнаго вида не имѣлъ и назвалъ себя бѣглымъ Григоріемъ Бѣляевымъ изъ Лисвенскаго графина Бугеро завода, Пермской губерніи¹⁾.

По его словамъ, подтвержденными доставленнымъ отъ начальника горныхъ заводовъ спискомъ, въ Поволжьѣ, на Уралѣ и въ Сибири оперировали и другіе жеіерархи австрійскаго толка. Во главѣ ихъ стоялъ поясненный Антоній, наименованный „архіепископомъ Владимірскимъ и Московскимъ“, за нимъ слѣдовали „епископы“: Софроній—Симбирскій²⁾, Виталій—Уральскій³⁾, Аѳанасій—Саратовскій⁴⁾, Пафнугій—Казанскій, Іовъ—Кавказскій, Пафнугій—Коломенскій, Ануфрій—предсѣдатель духовнаго совѣта въ Москвѣ; архимандриты: Израиль⁵⁾, Варлаамъ, Константинъ⁶⁾ и Зиновій⁷⁾; іеромонахи: Ананій⁸⁾, Аввакумъ, Іона, Константинъ, Паисій, Іовъ и Савватій; попы: Зиновій, Аристрахъ и Іоаннъ—Сарапульскіе, Евстигней—Екатеринбургскій, Софроній—Сильвинскій, Илларионъ, Іоаннъ и Александръ—Оханскіе,

1) Изъ сообщенія главнаго начальника горн. заводовъ 12 декабря 1862 г.

2) Какъ можно судить по документамъ Оренбургс. централн. архива, Софроніемъ былъ московскій мѣщанинъ Степанъ Трифоновичъ Жировъ, изъ крестьянъ Калужск. губ., посвященный въ этотъ санъ въ Буковинѣ лжеархіереемъ Кирилломъ въ 1849 г.

3) Виталій или Бугурусланскій купецъ Василій Михѣевъ, посвященный Софроніемъ, только именовался Уральскимъ, но никогда на Уралѣ не былъ и никто изъ уральскихъ казаковъ его не признавалъ за „епископа“,

4) Аѳанасій—Абрамъ Абрамовъ Теляцннъ,—неправильно именуется Саратовскимъ, ибо въ дѣйствительности онъ тамъ не жилъ, а находился постоянно въ Хвалыискѣ у купчихи Анны Кузьминшны Михайловой, занимался лѣсной торговлей и числился мѣщаниномъ этого города. Въ 1858 г. его чуть не перехватилъ тамъ подпол. Кузьминъ-Короваевъ (подробности о томъ см. въ моей статьѣ: „Изъ исторіи сектантства“. „Историч. Вѣстн.“ 1894, VI).—У Мельникова (Печерскаго) въ „Очеркахъ Поповщины“ (написанныхъ въ 1865—67 гг.) показаны эти „іерархи“ такъ (на стр. 141): Антоній Владимірскій, Израиль Уральскій, Виталій (?), Аѳанасій Саратовскій, Геннадій Екатеринбургскій, нынѣ пострадавшій, Пафнугій Московскій, Іустинъ (?), Іовъ Казанскій, Пафнугій Казанскій, Константинъ Оренбургскій. (См. ниже).

5) Проф. Моск. дух. акад. Субботинъ („Рус. Вѣстн.“ 1866, кн. 1) показываетъ Израиля посвященнымъ въ „патріархи всея Руси“ Софроніемъ съ именемъ Іосифа, чего не могло быть ни логически, ни канонически. На самомъ дѣлѣ Израиль—въ мірѣ уральскій казакъ Яковъ Васильевъ Бредневъ, былъ игуменомъ Сергіевскаго (на Общ. Сыртѣ) скита. Софроній рукоположилъ его только въ іеромонахи въ 1852 г., съ именемъ Измаила, за что старцы выгнали его изъ скита и потомъ заточили въ Бударинскій монастырь, гдѣ въ 1859 г. онъ принялъ единовѣріе.

6) Весьма сомнительно также увѣреніе Субботина, что Варлаамъ былъ въ 1859 г. „епископомъ“ Балтскимъ, а Константинъ Оренбургскимъ.

7) Зиновій въ это время былъ ужъ схваченъ.

8) Ананій въ это время содержался подъ стражей въ Сарапулѣ.

Іоаннъ и Макарій—Ялотуровскіе, Ксенофонтъ—Катавскаго завода¹⁾, Алексѣй—Златоустовскаго округа, Александръ—Шадринскаго, Симеонъ и Филиппъ—Сибирскіе; архидіаконъ—Корнилій и Максимъ, дьяконъ—Романъ; иподіаконъ—Василій²⁾ и священно-писецъ (sic) Германъ—Златоустовскаго завода.

Съ поимкой Геннадія дѣятельность бѣлокриницкихъ іерарховъ въ Приуральѣ не прекратилась. Его мѣсто заступилъ вскорѣ другой проповѣдникъ, именовавшій себя „епископомъ Амвросіемъ“, хотя едва ли отъ кого либо получилъ онъ въ этотъ санъ посвященіе. Къ счастью, весьма недолго пришлось ему обманывать темный людъ. 14 февраля 1865 г. вечеромъ, завѣдующій горнозаводскою полиціей чиновникъ Апсалонъ поймалъ его въ домѣ мастерового с. Котова Павла Киселева въ то время, когда мнимый Амвросій прохладился на податяхъ „въ монашескомъ одѣяніи“.

На первомъ же допросѣ онъ сознался, что—совсѣмъ не „архіерей“, а простой крестьянинъ Верхосунской волости, Нолинск. у., Вятской губер., Авраамъ Бушмакинъ, 43 лѣтъ; вѣру исповѣдуетъ поповщинскую, австрійскаго согласія. На родинѣ у него остался братъ Григорій и жена Прасковья Никонова. Оттуда онъ бѣжалъ лѣтъ 15-ть и все время шатался по разнымъ мѣстамъ. Сначала около полгода работалъ на золотыхъ пріискахъ, но какъ тамъ приходилось трудиться до кровавыхъ мозолей на рукахъ, то онъ бросилъ это мало выгодное дѣло и пошелъ искать легкаго прокормленія. Встрѣтившись въ Кыштымскихъ лѣсахъ съ двумя старцами, Авраамъ поселился у нихъ въ келіи на горѣ Юрмѣ, одинъ изъ нихъ, по имени Левъ, постригъ его въ монахи, назвавъ Амвросіемъ, а призжавшій туда Геннадій рукоположилъ его въ попы. Но въ концѣ 1864 г. старцы, услышавъ около своей келіи подозрительный шумъ, бѣжали съ того мѣста. Не имѣя чѣмъ прокормить себя въ глухомъ лѣсу, слѣдомъ за ними покинулъ Юрму и Бушмакинъ и пошелъ шататься по окрестнымъ селеніямъ, выдавая съ той поры себя за „епископа“, чтобы имѣть больше поживы отъ старообрядцевъ.

Жившіе съ нимъ иноки, повидимому, пробрались въ Кисинскій лѣсъ, гдѣ около Таганая еще существовалъ раскольниковскій скитъ съ походною церковью и семью монахами. Были, видимо, тамъ и

1) Какъ указано выше, захваченъ съ Геннадіемъ.

2) Пойманъ одновременно съ послѣднимъ въ Екатеринбургѣ.

другіе скиты, но о томъ не вѣдали мѣстныя власти. Только въ маѣ 1870 года, по требованію Уфимскаго преосвященнаго, былъ произведенъ поискъ имъ.

Дѣло это поручили приставу 1-го стана Златоустовскаго уѣзда Полю. Однако, вмѣсто скита съ церковью, 5 іюля съ пятью разъѣздными казаками онъ нашелъ въ таганайскомъ лѣсу лишь одну избушку, съ проживавшимъ въ ней инокомъ, назвавшимъ себя крестьяниномъ Пермск. губ., Осинск. у., Филиппомъ Паршаковымъ. Двое другихъ сожителей скрылись. При арестованномъ нашли два дьяконскихъ облаченія, три монашескія мантии, одну камилавку, четыре лѣстовки, три мѣдныхъ иконы, каноникъ, святцы, славянскую азбуку, въ особомъ кошелькѣ 125 руб. денегъ и просительное письмо, за подписомъ „Московско-Владимірскаго архіепископа Антонія“, о пожертвованіи на обитель преп. Сергія, находившуюся въ Златоустовскомъ округѣ.

Судя по захваченнымъ предметамъ, не трудно было понять, что гдѣ либо поблизости находится главный скитъ съ мѣстомъ молитвенныхъ собраний. Но Полю прекратилъ дальнѣйшіе розыски, ссылаясь на неблагопріятную погоду. Надъ горами повисли темныя тучи, низины покрылись густымъ туманомъ и лилъ непрерывный дождь; земля размокла и ступать по ней было нельзя. Кругомъ стояла мгла такая, что въ трехъ сажен. невозможно было разсмотрѣть другъ друга.

Уѣздный исправникъ просилъ губернатора отложить поиски до осенняго времени, когда, обычно, въ горахъ Уральскихъ наступала ведренная погода, прекращалось таяніе ледниковъ, земля не выдѣляла испареній и тучамъ не съ чего было скопляться. Сбросивъ пожелтѣвшіе листья, лѣсъ замиралъ. Оголенные вѣтви давали больше просвѣта. Трава полегала, и легче тогда было проходить по густымъ зарослямъ.

Въ началѣ октября Полю безъ затрудненія достигъ ранѣе найденныхъ келій. А отъ нихъ, обойдя гору Таганай верстъ на сорокъ, въ самой глухой и трудно-доступной низинѣ казаки нашли обширный раскольническій монастырь съ нѣсколькими заброшенными келіями и обгорѣлымъ около нихъ пространствомъ въ 9 саж. длины и 4 саж. ширины, на которомъ, судя по остаткамъ камней и обуглившимся столбовъ, стояло, видимо, довольно капитальное сооруженіе. Кругомъ—на разстояніи двухъ верстъ въ діаметрѣ было разбросано еще восемь малыхъ скитовъ.

Изъ распросовъ двухъ захваченныхъ въ уцѣлѣвшихъ келіяхъ иноковъ, изъ коихъ одинъ назвался сыномъ чиновника Петромъ Ваулиннымъ, а другой—жителемъ Златоуста Качевымъ, выяснилось, что на погорѣвшемъ мѣстѣ стояла австрійская церковь, которую сжегъ настоятель Паисій¹⁾.

Видимо, участившіеся облавы полиціи вынудили его покинуть эти мѣста и уйти дальше „отъ соблазна“, въ глубь сѣверныхъ лѣсовъ, гдѣ въ средней полосѣ Пермской губерніи, идущіе съ Волги и Камы брынскіе и чернораменскіе боры сливались съ бѣломорской тундрой и тайгой Сибирской,—дабы свободнѣе проповѣдывать тамъ „слово истинное“. А чтобы мѣстныя власти не смогли дознать ихъ въ прежнихъ мѣстахъ дѣяній и воспользоваться ихъ достояніемъ, они уничтожили то, что было дороже всего имъ, близко душѣ, ихъ вѣрѣ, ихъ завѣтамъ.—„Пусть, молъ, не достается наша святыня на поруганіе нечестивымъ никоніанамъ!“

III. Хулители и развратители.

Глушь и отдаленность Приуралья отъ центровъ просвѣщенія и полное отсутствіе на мѣстахъ какихъ либо вразумительныхъ учрежденій были едва ли не самой существенной причиной быстрого усиленія тамъ раскола, поддерживаемаго изъ личныхъ выгодъ богатеями и проникнувшими туда лжеучителями, болѣе въ пропагандѣ искусными, начитанными, а главное упорными, стойкими и преданными своему дѣлу, чего нельзя было сказать о православномъ духовенствѣ, въ большинствѣ случаевъ малограмотномъ, загнанномъ и чаще всего матеріально зависимомъ то отъ прихожанъ, или отъ самодурства помѣщиковъ, а еще больше отъ произвола разныхъ заводскихъ управляющихъ, преимущественно набранныхъ изъ нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, для которыхъ исполненіе въ томъ или иномъ видѣ обрядовъ православной вѣры служащими и рабочими не имѣло никакого значенія.

Дозволяя въ 60-хъ г. XVIII столѣтія переселеніе раскольниковъ въ заволжскій край, правительство воспретило преслѣдовать ихъ за религіозныя убѣжденія, поставивъ лишь въ обязанность мѣстнымъ

¹⁾ Дѣло канцеляріи Уфимс. губернатора 1870 г., вѣз. 1, № 26.—Это—тотъ самый Паисій, который былъ подручнымъ попомъ у игумена Зиновія и занявшій мѣсто настоятеля скита, послѣ его поимки.

властямъ—наблюдать за тѣмъ, чтобы они не совращали въ расколъ православныхъ.

Конечно, успѣшное выполненіе этихъ въ истинно христіанскомъ духѣ взглядовъ правительства всецѣло зависѣло отъ усердія приходскихъ священниковъ и добросовѣстности полицейскихъ чиновниковъ. Къ сожалѣнію, большинство послѣднихъ не способно было сдѣлать ничего хорошаго, если не видитъ надъ собой бдительнаго и строгаго надзора со стороны высшаго начальства, и своими корыстными дѣйствіями лишь больше разрушало довѣріе простаго люда къ закону и его блюстителямъ.

Кажется, нынѣ извѣстно всякому, что, при крайне ничтожномъ въ былые годы содержаніи коронныхъ служащихъ, старовѣры являлись самой выгодной доходной статьей не только полиціи, но не рѣдко и высшихъ чиновъ губерніи. Сами губернаторы не брезговали иногда прикрывать ихъ незаконные поступки и покровительствовали распространенію раскола. Въ лѣтописяхъ заволжскаго края сохранилось нѣсколько свѣдѣній о такихъ ихъ зазорныхъ дѣйствіяхъ. По словамъ подполковника Кузьмина-Короваева, начальникъ Саратовской губерніи, д. с. с. Пгнатъевъ чинилъ ему въ 1857 году всякія препятствія къ поимкѣ лжеепископа Аѳанасія и способствовалъ къ укрывательству его. Самарскій губернаторъ (1851—1853 г.) т. сов. Волховской покровительственно относился къ мѣстнымъ богатымъ раскольникамъ Абачину, Силантьеву и Кузнецову и дѣлалъ все въ ихъ пользу, позволяя открыто проповѣдывать въ Самарѣ старообрядчество; онъ разрѣшилъ даже открыть ихъ часовню, запечатанную командированнымъ отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ. Но больше различныхъ грѣшковъ числилось за Оренбургскимъ (въ г. Уфѣ) гражданскимъ губернаторомъ Іосифомъ Львовичемъ Дебу, на котораго не разъ поступали жалобы и доносы высшему начальству.

При немъ тамошняя полиція, не стѣсняясь, брала съ раскольниковъ взятки. Этимъ особенно отличался Бузулукскій исправникъ Марычевъ, у котораго для этой цѣли имѣлись особенные агенты. Какъ писалъ въ Январѣ 1830 года неизвѣстный авторъ управляющему округомъ корпуса жандармовъ полковнику Маслову, „первый фискаль и любимецъ Марычева, Пгнатій Суковъ взялъ въ дер. Лабозовой со старовѣра Карпа 50 р. за то, что у него въ домѣ увидаль старообрядческаго попа, при чемъ находилось человекъ десять свидѣтелей“.

Еще ранѣе о дѣйствіяхъ Марычева было донесено въ Петроградъ нѣкимъ Заплетаевымъ и, по распоряженію шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, надъ нимъ наряжено было слѣдствіе, но велось оно „изъ рукъ вонъ плохо“. По сообщенію безыменнаго доносчика, подтвержденному полковникомъ Масловымъ, „только десятая часть жителей была спрашивана; головы и писаря ѣздили уговаривать ихъ. поили виномъ и стращали, что онъ (Марычевъ) опять будетъ исправникомъ. Слѣдователи взяли съ него 20 тыс. (руб.) за это дѣло“.

У крестьянъ была одна надежда на гр. Бенкендорфа. „А гражданскому (губернатору) и не пиши,—говорили они между собой.— Онъ самъ первый грабитель, по 50 руб. беретъ, а жена его тоже дѣлаетъ и сильно всѣхъ грабителей защищаетъ“. По губерніи носились слухи, что исправники состояли у него на арендѣ и были обложены: „одни по 2 т. руб. въ годъ, а въ хорошихъ уѣздахъ 3—4 т. р. ему платятъ“. Рассказывали, будто Дебу и хотѣлъ собрать, „пока мѣсть губернаторомъ“, 100 тыс. руб., чтобы „заплатить долгъ“. Слухи эти не отрицалъ и полковникъ Масловъ въ своемъ представленіи гр. Бенкендорфу.

Однако, когда отъ него были потребованы объясненія по этому поводу, онъ, ссылаясь на свою 35-лѣтнюю службу, счелъ для себя униженнымъ оправдываться „противъ гнустной лжи неизвѣстнаго клеветника“, обвинивъ полк. Маслова въ незаконномъ представленіи этого „пасквиля“ графу, минуя его, губернатора. Возмущенный „новымъ“ на него доносомъ, онъ издалъ курьезное объявленіе, предлагая награду тому, кто разыщетъ, автора „онаго“, чтобы, видимо, расправиться съ нимъ „по свойски“, и предписалъ совѣтнику губернскаго правленія Иконникову произвести строжайшее о томъ разслѣдованіе, окончившееся, конечно, безъ положительныхъ результатовъ.

Губернаторскія угрозы стереть съ лица земли клеветниковъ и доносчиковъ ни чуть не уменьшили обывательскихъ разговоровъ о его зазорныхъ дѣяніяхъ. Уфимцы говорили о нихъ открыто и дома, и на улицахъ, и даже въ присутственныхъ мѣстахъ.

—Вотъ былъ два раза у губернатора,—рассказывалъ 31 октября 1831 г. въ городской полиціи мѣщанинъ Павловъ,—да удовольствованія не получилъ; видно, домогается подарковъ, какъ это, по слухамъ, водится.

—Да это ужь давно извѣстно!—въ тонъ ему отвѣтилъ его приятель мѣщ. Андрей Стариковъ,—бывшій исправникъ Фальковскій вездѣ говоритъ, что помѣщикъ Левашовъ подарилъ губернатору карету, а исправникъ Девлеткильдеевъ—четверку лошадей. Купецъ Юдинъ, который гимназію въ Уфѣ строилъ, подарилъ ему 2 тыс. бревень на выстройку дома, а Фальковскій—фундаментъ подъ него. Объ этомъ самъ Юдинъ рассказывалъ, да и приказчики его знаютъ о томъ лѣсѣ; а фундаментъ перевозили крестьяне Нижегородской слободы. Фальковскій говорилъ и въ губернскомъ правленіи и публично въ театрѣ, за что полицеймейстеръ Мамонтовъ хотѣлъ его даже вывести.

За такія рѣчи полиція арестовала Старикова и представила въ губернское правленіе, но онъ не отрицалъ и тамъ сказаннаго.

Иначе нельзя назвать губернатора, какъ взяточко-брательемъ, если онъ выстроилъ себѣ домъ изъ лѣса, подареннаго Юдинымъ.—Онъ—государственный преступникъ,—добавилъ къ этому Стариковъ, потому что потакаетъ сосланнымъ сюда масонамъ Колокольцовымъ.

Губернское правленіе отправило его подъ конвоемъ въ Оренбургъ, гдѣ на допросѣ въ присутствіи тамошняго коменданта ген.-м. Глазенапа, корпуснаго оберъ-аудитора Терентьева, полицеймейстера и уѣзднаго стряпчаго, Стариковъ подтвердилъ эти слова.

Оренбургскій военный губернаторъ гр. П. П. Сухтеленъ потребовалъ отъ Дебу „поясненій“. Но онъ, сославшись, по обыкновенію, на свою 38 лѣтнюю(?) службу, въ своемъ донесеніи (13 ноября) умолялъ только: „раскрыть всю гнусность клеветы сей и доставить мнѣ правосудіе и сладкое удовольствіе сойти въ могилу оправданнымъ“. Однако, вмѣсто „раскрытія“ истины, ради обѣленія себя, онъ настроилъ графу на Сухарева доносъ и представилъ того же числа ему „приговоръ здѣшнихъ мѣщанъ, учиненный подъ присягою, о его „негодности“, какъ замѣченнаго въ писаніи крестьянамъ „ябедническихъ“ жалобъ и прочихъ „возмутительныхъ просьбъ“, распространеніи „непристойныхъ словъ“ противъ мѣщанскаго общества и дворянства и дворянской опеки, незаконномъ сожительствѣ, пьянствѣ, развратномъ поведеніи и проч.—прося отдать его въ солдаты. А затѣмъ, нѣсколько дней спустя, возбудилъ предъ Сухтеленомъ ходатайство объ отпѣнѣ этой мѣры, ибо, „по сдѣланнымъ на меня доносамъ, онъ можетъ быть, будетъ подлежать иному наказанію“.

Графъ попался на эту удочку. Стариковъ былъ сосланъ, а Дебу не сдѣлано было даже замѣчанія. Въ концѣ концовъ, не смотря на

всѣ его происки и хитрыя увертки, онъ всетаки попался и въ 1835 г. былъ уволенъ отъ должности за неблаговидные поступки.

Смѣнившіе его губернаторы Н. В. Жуковскій (мѣстный историкъ) и А. П. Гевличъ (докторъ правъ) оставили послѣ себя свѣтлую память. Но слѣдующіе начальники этой губерніи И. Е. Талызинъ (1840—1844), убитый своими крѣпостными, и Н. В. Балкашинъ (1846—49 г.) больше заботились о своихъ прихотяхъ, чѣмъ о нуждахъ населенія.

Разумѣется, „каковъ былъ попъ, таковъ и состоялъ приходъ“. Если „подаркобрательство“ царило среди старшихъ, то еще болѣе развивалось оно между младшими. Даже послѣ уничтоженія крѣпостного права, когда податной людъ сдѣлался свободнымъ, мѣстные правители не переставали обирать его.

—Должностныя лица всѣхъ волостныхъ правленій неумѣютъ судить крестьянъ и берутъ съ нихъ взятки, чрезъ что вся Россія стала воровская, грабительская, надъ чѣмъ насмѣхаются подданные другихъ странъ,—говорилъ въ сентябрѣ 1862 года крестьянинъ дер. Корчагиной, Челябинск. у., Никифоръ Горевановъ.—Помощникъ окружного начальника Бирюковъ также неправильно разбираетъ дѣла, порученныя ему высшимъ начальствомъ. А бывшій челябинскій окружной начальникъ Долгрейнъ опредѣлилъ во всѣ волости писарей изъ мальчиковъ и внушилъ имъ брать взятки со всѣхъ и передавать ему.

Если бы я былъ царь,—добавилъ къ этому Горевановъ—то прежде пристрѣлилъ бы всѣхъ безъ исключенія писарей за то, что они расплодили въ Россіи воровство, мошенничество и другія преступленія.

Весьма понятно,—при такихъ условіяхъ и отсутствіи всякой разумной со стороны православныхъ архипастырей инициативы для религіозно-нравственнаго подъема народа, чему отчасти тормозили и оренбургскіе военные губернаторы, часто выступавшіе въ разрѣзъ съ дѣйствіями епархіальной власти,—явилось полное отчужденіе отъ православія не только раскольниковъ, но и большей части истинныхъ послѣдователей.

Церквей въ Заволжскомъ краѣ находилось въ то время мало. Встрѣчались такіе приходы, къ которымъ было приписано по 16 тыс. душъ, и прихожане жили за 40 и болѣе верстъ. Вслѣдствіе этого наши священники посѣщали ихъ весьма рѣдко, лишь въ большіе

праздники, да и то не ради вразумленія или укрѣпленія въ вѣрѣ, а лишь бы собрать извѣстную милостыню.

Привыкшій съ дѣтства къ отправленію положенныхъ религиозныхъ обязанностей, русскій человѣкъ не могъ, конечно, оставаться долго безъ Церкви и ея Свящ. Таинствъ,— писалъ въ 1857 году Оренбургскому ген.-губернатору Кузьминъ-Короваевъ.—И поэтому отдавался первой приходящей къ нему духовной особѣ, не справляясь съ тѣмъ,—истинный ли то іерей или лжепопъ.—И такимъ образомъ, въ силу необходимости, для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей и православные простолюдины принимали въ свои дома старообрядческихъ пастырей, которые къ тому же даромъ совершали у нихъ требы и „своимъ мнимымъ безкорыстіемъ и лукавствомъ“ легко пріобрѣтали въ свою незаконную паству все больше и больше новыхъ приверженцевъ.

Вмѣсто кроткаго, въ духѣ христіанской любви, вразумленія заблудшихъ, ихъ стали преслѣдовать и воздвигли на нихъ гоненія. Прибывшій въ 1857 г. въ Оренбургъ ген.-лейт. Катенинъ, не познакомившись хорошенько съ бытомъ и жизнью разношерстнаго этого края, усилилъ розыски старовѣрскихъ наставниковъ и притѣсненія раскольниковъ, лишая ихъ свободнаго отправленія богомоленія. А это только пуще озлобило ихъ противъ властей подлежащихъ. Сектантское населеніе потеряло всякое уваженіе и къ православному духовенству и начальству свѣтскому.

По словамъ Короваева, особенная раскольническая закоснѣлость и грубость нравовъ были замѣтны въ казакахъ Оренбургскаго войска, переселенныхъ съ Волги на такъ называемую „новую линію, и въ горнозаводскихъ крестьянахъ“.

—Мнѣ случилось допрашивать казака Челябинск. уѣзда Евдокима Кокушкина,—пишетъ онъ.—Показанія этого изувѣра дышали ненавистью къ законной власти, которую вообще всѣ раскольники признаютъ исходящею отъ антихриста. Между ними ходятъ по рукамъ книги, опредѣляющія отношенія народа къ властямъ гражданскимъ. Въ одной изъ нихъ даже описано происхожденіе благополучно царствующаго дома Романовыхъ отъ антихриста“.

Съ нѣкоторымъ уваженіемъ старообрядцы относились только къ императору Александру II, потому, говорили въ волостномъ правленіи

кр-нѣ дер. Плотниковой, Челябин. у., Филиппъ Егорцовъ, что онъ „нынѣ образумился, разыскиваетъ самъ старую вѣру и изъ православія желаетъ перейти къ намъ“.¹⁾

—Прежде сего цари всѣ были д.... и не умѣли управлять Россіей,—распространялъ ту же мысль кр-нѣ Горевановъ.—Одинъ Петръ Великій былъ хорошъ, но на послѣдокъ и онъ сдѣлался д....тъ, потому что бороду обрилъ. А нынѣшній Государь много сдѣлалъ всѣмъ милости, особенно старообрядцамъ; онъ ужъ и молиться сталъ по нашенски“ (т. е. по раскольнически).²⁾

На какихъ „столпахъ“ древнихъ указаній основывали завзятые фанатики раскола свои сужденія о противленіи властямъ духовнымъ и гражданскимъ, это очень ярко отмѣчаетъ дѣло о крестьянинѣ дер. Вехтей, Челябин. у., Иванѣ Михайловѣ Скутинѣ, начавшееся въ 1856 году.

30 іюня у него родился мальчикъ. Крестить его въ церковь онъ не понесъ. 19 іюля приходскій священникъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ сельскую расправу и сталъ настоятельно требовать совершенія обряда крещенія.

—Изъ земныхъ никто не можетъ крестить у попа,—отвѣтилъ ему тотъ,—потому что духовенство и все начальство, на землѣ нынѣ существующее, учреждены антихристомъ, и царя на землѣ не существуетъ, а императоръ, которому мы повинемся и служимъ,—не царь, а антихристь.

Это повторилъ онъ и при крестьянахъ. Конечно, о томъ было донесено по начальству. Распоряженіемъ собственной его величества канцеляріи, Скутинъ былъ арестованъ и преданъ суду, но потомъ раскаялся въ своемъ заблужденіи и просилъ присоединить его къ Св. Церкви. По докладѣ о томъ министромъ внут. дѣлъ Государю Императору, послѣдовало высочайшее повелѣніе: „удостовериться, искренно ли возвращеніе его въ православную вѣру и въ утвердительномъ случаѣ, вмѣнивъ ему въ наказаніе содержаніе подъ стражею, оставить дѣло безъ послѣдствій, въ противномъ случаѣ дать дѣлу судебный ходъ“.

1) Дѣло канцеляріи Оренбург. губернатора 1862 г., виз. 2, № 57.

2) Тамъ же, № 60.

Казалось всѣмъ, что изувѣръ сердечно убѣдился въ правотѣ православнаго ученія, какъ будто съ усердіемъ молился онъ цѣлую недѣлю въ Челябинскѣ Христорождественскомъ соборѣ, былъ напутствованъ Св. Тайными и обращенъ благочиннымъ Инфантіемъ въ нѣдра Христовой церкви,—какъ доносилъ 23 февраля 1857 г. министру губернаторъ. Но не прошло и трехъ лѣтъ, снова началъ онъ распространять свои кощунственныя воззрѣнія. Сначала его хотѣли убѣдить кроткими мѣрами духовнаго вразумленія, поручивъ увѣщанія священнику с. Костылевки о. Подбѣльскому, но Скутинъ не принялъ никакихъ убѣжденій и резонровъ.

—Ты мнѣ—не пастырь, а я тебѣ—не овца,—грубо оборвалъ онъ священника.—Ты молишься щепостью, а я—крестомъ (двуперстнымъ). Вашъ крестъ—не истинный, ибо св. Ефремъ Сиринъ сказалъ въ книгѣ своей (105-е слово): „яко вси пріемшіе печать антихристову и поклонившіеся ему, яко Богу своему, не имуть убо части во Христово пришествіе, но со змиемъ будутъ вложены въ гіену“.

На вопросъ: „за кого онъ признаетъ православныхъ священниковъ?“—Скутинъ высказался: „пишетъ Іоаннъ Златоустъ (въ „Маргаритѣ“, 13-е слово): „нарекуются еретиками, татьми и разбойниками“, Такъ и я, по глаголу св. отецъ, называю всѣхъ еретиками“.—Первоначальный еретикъ,—по его словамъ,—былъ Никонъ, „всѣми злобный и богопротивію совершитель. Онъ и Дмитрій Ростовскій прокляты Богомъ и всѣми святыми за ихъ преступленіе истиннаго закона и премѣненіе (т. е. перемѣну) церковнаго устава и всего божественнаго святого писанія. За то не почитаю церковь вашу за святую,—ибо сказалъ св. Апостолъ Павелъ (въ посланіи къ солунянамъ, зачало 275): „и откроется чловѣкъ беззаконія, сынъ погибели, яко ему сѣсти въ Церкви Божіей, аки Богу, показующе себя, яко Богъ есть.... его же есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякой силѣ и знаменіи и чудесѣхъ ложныхъ“.

На произведенномъ ему 11 марта 1860 г. въ Челябинскомъ земскомъ судѣ допросѣ, онъ также отвѣчалъ дерзко, нагло съ богохуленіемъ.

—Отъ роду мнѣ 37 лѣтъ, грамотный, вѣры истинной православной, существовавшей до патріарха Никона, который принялъ вѣру изъ утробы скверныя, изъ усть проклятыхъ самого сатаны, и потому всѣ тѣ, которые отъ него наслѣдовали эту вѣру, суть еретики. Не

бываю я у исповѣди и св. причастія потому, что принять эти таинства не отъ кого, а отъ послѣдователей Никона не хочу.

—Я—крестьянинъ (т. е. христіанинъ) истиннаго Бога,—выкрикивалъ онъ съ озорствомъ,—не признаю царя земного, ибо я—наслѣдникъ и сожигатель царства небеснаго и гражданинъ вышняго, святаго и небеснаго Іерусалима. Хотя я имѣю жену, но незаконную, потому что земного закона не признаю, какъ не признаю и дѣтей.

На судѣ Скутинъ повторилъ весь кодексъ своихъ религіозныхъ воззрѣній и, какъ разнузданный рыный конь, безъ удержа изрыгалъ свои хулы, видимо отъ кого то имъ заимствованныя, а не самимъ измышленныя, потому что онъ нѣсколько разъ повторялъ одну и ту же основную мысль своихъ дикихъ воззрѣній, варьируя только ее на разные лады. По его мнѣнію, патріархъ Никонъ дѣйствовалъ „въ теченіе лѣтъ 8-й тысячи, назадъ тому 166 лѣтъ“, тогда какъ извѣстно исторически, что онъ управлялъ Россійской паствою съ 1645 по 1676 (т. е. 7153—7184) г.г.,—значить до времени привлеченія Скутина къ слѣдствію (въ 1860 году) прошло болѣе 184 лѣтъ.

—И отъ тѣхъ поръ,—продолжалъ онъ,—началъ присутствовать самъ сатана въ церквахъ вездѣ. Окрестъ же его стоящія, называемыя иконами, суть бездушныя и бесплодныя бѣсы, или идолы, ибо имѣютъ они на себѣ значеніе и начертаніе самого сатаны. Объ этомъ и св. Ефремъ Сиринъ (въ 100 словѣ) глаголетъ: „егда начертаетъ змій знаменіе свое на крестъ Спасителя“, а св. Ипполитъ, папа Римскій (въ Сборн. гл. 8) объясняетъ сіе такъ: „яко вси уклонишася отъ Бога и льстецу вѣроваша, пріимте начертаніе сквернаго богоборца животворящаго креста Спасова и отрицающіеся Распятаго—идоломъ поклоняются“.

Св. Причастіе Скутинъ называлъ „блевотиною самого сатаны“, на основаніи слово Ефрема же Сирина: „изблуетъ змій свою горечь, предлагая отъ утробы ядъ смертельный.“

Подъ именемъ „Церкви“ разумѣлъ онъ не собранье вѣрующихъ, а „сосредоточеніе св. Духа въ самомъ себѣ“, подтверждая эту мысль словами изъ книги инока Дорооея (гл. 25): „яко тѣло человѣческое чистое и цѣломудренное церковь Божія есть: сердце человѣческое чистое и цѣломудренное—жертвенникъ трапеза Духа святаго; умъ же человѣческой—престоль Божества“, т. е. Церковь Святая, въ которой

и онъ „пребываетъ душою и тѣломъ.“—Такъ, по его словамъ, и святоотеческая книга „Правая Вѣра“ (гл. 2-й) глаголетъ: „церковь бо не стѣны и покровъ есть, но вѣра и житіе“.

—Я повпнуюсь закону, преданному мнѣ отъ Бога,—говорилъ Скутинъ въ заключеніи,—но не могу почитать царя, котораго Ефремъ Сиринъ нарицаетъ антихристомъ; а въ „Сборникѣ“ св. Ипполита, папы Римскаго (гл. 8) говорится: „мучитель сый царь и судія—лютый діаволь“. Святой же Кириллъ, архіеп. Іерусалимскій (гл. 8, знам. 2) пишетъ: „прежніе мученицы съ человѣки братися (т. е. боролись), а иже при антихристѣ—съ самимъ сатаною (братися?) имуть“. При этомъ изувѣръ назвалъ государя „сатаною во плоти“.

Къ сожалѣнію, православные пастыри того времени, повидимому, увы были такъ мало свѣдуици въ свящ. писаніи, что ни одинъ изъ нихъ не нашелся разувѣрить этого фанатики въ противномъ хотя бы всѣмъ извѣстными словами Спасителя: „воздадите Божіе Богу, а Кесарево Кесареви“, и посланіемъ апостола Павла къ римлянамъ (гл. XII, ст. 1): „всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется:—иѣсть бо власть, аще не отъ Бога!“.

На этотъ разъ Скутинъ понесъ достойное наказаніе. Чтобы прекратить ему всякую возможность къ распространенію этихъ анти-религіозныхъ и противугосударственныхъ идей, по Высочайшему повелѣнію, его сослали въ Соловецкій монастырь „для содержанія подъ строгимъ арестомъ съ наставленіемъ въ правилахъ св. Вѣры“¹⁾.

* * *

Въ своихъ злобныхъ навѣтахъ противъ православія и существующаго государственнаго строя и порядка, сектанты не ограничивались разсѣваніемъ вредныхъ плевелъ только среди своихъ единомышленниковъ на собраніяхъ и торжищахъ, но вносили смуту въ умы простолюдиновъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ вездѣ—и въ сельскихъ расправахъ, и въ волостныхъ правленіяхъ, даже врывались для того въ храмы православные. Напримѣръ, такой поступокъ былъ совершенъ кр-номъ с. Кулагина (Оренбург. у.) Меркуріемъ Фроловымъ въ субботу 7 марта 1853 года, во время отправленія въ приходской церкви литургіи²⁾.

¹⁾ Дѣло канцел. Оренб. гр. губернатора 1860 г., виз. 5, № 256.

²⁾ Дѣло по канцеляріи Оренбургс. гражд. губернатора за 1856 г., виз. 2, № 115.

Говѣвшіе эту недѣлю (былъ великій постъ) прихожане готовились приступить къ принятію Св. Тайнъ. Въ то время, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря, произнесъ: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“,—къ амвону, расталкивая народъ пробрался Фроловъ и завопилъ „неистовымъ голосомъ“:

„Змѣй летитъ огненный! вонъ, вонъ, видите! Онъ не причащаетъ, а губитъ насъ, въ адъ ведетъ, по лѣвую сторону... Погибъ весь міръ православный! Ликъ человѣческій, уста льва!.. Кто крестомъ молится, тотъ стоитъ по правую сторону!“ И кричалъ своему сыну— не принимать отъ попа причастія, порываясь вырвать у священника чашу съ дарами, чтобы не допустить къ тому прочихъ православныхъ.

—„Богохульство это было произнесено съ такимъ отчаяннымъ воодушевленіемъ,—писалъ преосвященный Іосифъ Оренбургскому Губернатору Ханыкову,—что народъ пришелъ въ ужасъ и смятеніе, въ церкви сдѣлался шумъ, который едва затихъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа. Кто смотрѣлъ направо, другіе налево, иные глядѣли вверхъ, чтобы увидѣть „змія“; многіе поспѣшили уйти изъ храма.

Конечно, богохульника сейчасъ же вывели изъ церкви и посадили въ холодную при волостномъ правленіи. Всѣ думали, что онъ совершилъ поступокъ не въ своемъ умѣ, отъ болѣзни какой нибудь.

„Я дѣйствовалъ въ твердомъ разсудкѣ и памяти,—заявилъ на это Фроловъ священнику и старшинѣ,—и нарочно избралъ такой день, чтобы произвести въ народѣ больше соблазна и тѣмъ отторгнуть его отъ православія, чтобы сельчане не исполняли духовныхъ вашихъ обрядовъ и не повиновались больше вашему закону и властямъ, потому что церковь православная не есть истинная, обѣдня въ ней служится не на „семи просфорахъ“, а при совершеніи крещенія и браковъ ходите вы, въ противность древнимъ обычаямъ, не „посолонь“ (по солнцу).

Агитатора для вразумленія отправили въ Оренбургъ. Но и тамъ, въ присутствіи уѣзднаго суда, не переставалъ онъ изрыгать свои хулы на Св. Церковь. Его приговорили, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ публичному въ своемъ селѣ наказанію 80-тью плетью съ наложеніемъ клеймъ и ссылкой въ каторжныя работы на 15 лѣтъ. Но уголовная палата признала этотъ приговоръ суровымъ и хотѣла смягчить

его. Однако, губернаторъ Ханыковъ¹⁾ представилъ дѣло на разсмотрѣніе Сената²⁾).

Несмотря на различіе своихъ ученій, сектанты наши обычно всегда и вездѣ возставали противъ церкви православной, ея таинствъ и обрядовъ и ея служителей. Въ этомъ, казалось, уже не было ничего необычайнаго. Но въ Приуральскихъ предѣлахъ проявлялись иногда такіе проповѣдники, которые отвергали не только православіе, но и всякую христіанскую религію, не признавали необходимости церковнаго общенія, глумились надъ свящ. изображеніями и не находили обязательнымъ ношеніе натѣльныхъ крестовъ.

„Все это обманъ“, проповѣдывалъ въ дер. Суровкѣ, Бирскаго у., прибывшій къ своимъ роднымъ солдатъ Василій Каданцевъ. „Покланяясь идоламъ (какъ онъ называлъ иконы), вы не только не попадете въ рай, но угодите прямо въ адъ..“

Въ селеніяхъ Орловкѣ и Бережныхъ Челнахъ распространялся онъ, что надо „поклоняться тому Богу, которому поклоняюсь я. Тотъ Богъ дастъ все молящимся: богатство, изъ подъ камня будетъ родиться хлѣбъ“... И съ однимъ изъ своихъ братьевъ отправился туда, гдѣ жилъ прежде, обѣщаясь привести „полный ранецъ денегъ“, но, конечно, не привезъ ничего³⁾).

Хуленіе церкви православной произносили даже единовѣрцы. Одинъ изъ нихъ, кр-нъ Верхне-Троицкаго завода Петръ Малаховъ распространялъ между своими сельчанами, что ученіе это еретическое, а слѣдующіе ему единовѣрцы суть еретики, такъ какъ священникъ у нихъ поставленъ епископомъ еретическимъ; трехперстное сложеніе— печать антихристовъ, св. причастіе—змѣиная блевотина и т. д.⁴⁾).

Конечно, столь злобныя рѣчи, полныя „трепетнаго“ соблазна, заразительно дѣйствовали на раскольниковъ и сильно колебали умы и

¹⁾ Т. сов., Яковъ Владимір. (1849—1855) извѣстенъ многими учеными сочиненіями и особенно своимъ участіемъ въ трудахъ Импер. Географич. О-ва, секретаремъ коего онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ.

²⁾ Кромѣ того, за Фроловымъ числилось другое дѣло, по обвиненію въ непочтеніи къ св. иконамъ. Во время хожденія священника съ крестомъ на Пасхѣ 1850 г. онъ назвалъ Божью Матерь „рогатой бабой“. Но тогда онъ лицемѣрно принялъ православіе и даже нѣсколько разъ говѣлъ.

³⁾ Дѣло канцелярѣн Уфим. губернатора 1865 г., вѣз. 1, № 22.

⁴⁾ Тамъ же, 1855 г., вѣз. 4, № 201.

преданныхъ православію простолюдиновъ, вызывая въ нихъ „недоумѣнныя“ мысли и сомнѣнія: „такъ ли это? та ли вѣра правая? Какъ выйти изъ тягостнаго положенія? гдѣ найти ключъ ко спасенію?..

Чуткія неспорченныя натуры сильнѣе углублялись въ розысканія, съ жадностью набрасывались на чтеніе свящ. книгъ и зачитывались ими иногда до потери сознанія.

Занимавшійся въ г. Троицкѣ православный казакъ Ѳеодоръ Дмитріевъ Рымаревъ съ удвоеннымъ пристрастіемъ предавался въ длинные зимніе вечера чтенію Библии, ища отвѣта на волновавшіе его душу вопросы. И однажды, рассказываетъ его жена, вдругъ, вскочивъ съ мѣста, онъ воскликнулъ „съ какой то восторженностью“:— „Не знаю, живъ я или на небѣ?“— Вѣдь ты мнѣ—сестра!—потомъ сказалъ онъ ей и велѣлъ десятилѣтней дочери также называть себя братомъ.

Съ нимъ произошло что то неладное. Онъ сталъ задумываться, а въ маѣ 1855 г. совсѣмъ сдѣлался больнымъ, проявляя признаки ненормальнаго душевнаго состоянія. Его положили въ лазаретъ линейнаго батальона. Тамъ Ѳеодоръ поправился немного и выписался; потомъ, пробывъ дома нѣсколько дней, скрылся изъ города. 20 іюня, одѣтый въ нижнее бѣлаго холста бѣлье, босой, съ клюкой въ рукахъ, прикидываясь юродивымъ, появился онъ въ слоб. Таловкѣ, Челябин. у., и на другой день направился къ мѣстному священнику о. Циркулинскому.

—Я присланъ къ вамъ отъ Бога проповѣдывать правое Христово ученіе,—сказалъ Римаревъ ему.

—А въ чемъ же оно заключается?—заинтересовался его словами батюшка.

—Въ томъ,—началъ новый проповѣдникъ,—что Пресвятая Дѣва Марія, родившая Христа, не есть Богородица; архіерей и священники равны съ простыми мирянами: одинъ наставникъ и учитель—Богъ. Всѣ люди равны и не имѣютъ отцовъ и матерей, кромѣ Бога-Отца. Воскресные дни не должно праздновать, ибо въ году бываетъ только одно Воскресеніе,—а субботы (sic!). Постовъ нѣтъ, и во всякое время можно ѣсть кому что угодно. Иконамъ поклоняться не должно, ибо онѣ—идолы, кумиры. Нельзя также брать деньги: это—печать антихриста. Пришелъ онъ (т. е. антихристъ), и люди уже поклоняются образу и

звѣрю; положена печать и на десную руку, которою берутъ деньги, и ею полагаютъ на чело крестное знаменіе.

Послѣднее туманное изрѣченіе Рымаревъ объяснилъ такъ: „на монетѣ изображенъ св. Георгій, а подъ нимъ—звѣрь; поклоняясь образу, поклоняемся и звѣрю“, и въ заключеніе сказалъ: „должно читать одно Свящ. Писаніе—Библию, а всѣ прочіе правила соборовъ, отцовъ церкви, уставы и т. д. суть заповѣди человѣческія“.

Привлеченный къ слѣдствію за распространеніе вредныхъ разглашеній, онъ не отрицалъ своего ученія, но пояснилъ на вопросахъ, что дошелъ до того, благодаря троекратному прочтенію Библии, чѣмъ, по его словамъ, „разстроилъ свои умственные способности“.

Дѣло о немъ было направлено къ Оренбургско-Самарскому ген.-губернатору, графу Вас. Ал. Перовскому. Въ виду того, что ученіе свое онъ успѣлъ передать не многимъ, да и тѣ „вѣроятія ему не дали“, при томъ же произведенныя имъ дѣянія были совершены въ болѣзненномъ состояніи,—послѣдній предписалъ Оренбургскому губернатору Путолову слѣдствіе о немъ прекратить, иначе оно повело бы „къ вредному разглашенію богохульства“¹⁾.

IV. Книжная и начертательная мудрость сектантовъ.

Распространяя религіозныя возрѣвія чрезъ посредство наставниковъ и лжеучителей, раскольники старались укрѣпить въ своихъ пасомыхъ зачатки „истовой“ вѣры и путемъ своихъ книжныхъ умозаключеній въ избранномъ направленіи. Несмотря на свою умственную и научную заскорузлость, они, однако, сознавали ясно, что, какъ бы ни было „вдохновенно“ живое слово проповѣдника, оно не могло такъ прочно и устойчиво основаться въ памяти слушателей, какъ нѣкое—печатное или писанное слово, которое способно было постоянно напоминать о себѣ тѣмъ, кто жаждалъ вкусить его. Живая рѣчь могла забыться, ступешаться, переиначиться отъ времени или подъ давленіемъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, по разсѣянности или недоразвитости ученика; тогда какъ слово письменное неизмѣнно будетъ говорить одно и то-же сегодня, какъ вчера, долгіе и протяжные годы. На ряду съ этимъ могущественнымъ рычагомъ прогресса, сильнѣе впитывали въ темные умы простолюдиновъ сѣмена раздорническихъ

¹⁾ Дѣло канцеляріи губернатора 1855 г., вяз. 4, № 216.

мудрствованій и другія вещественныя изображенія—иконы, кресты и мѣдные образки (складни), изготовлявшіеся, по указаніямъ сектантскихъ главарей, доморощенными мастерами въ духѣ извѣстныхъ предначертаній.

Въ безпоповщинской часовнѣ Верхне-Троицкаго завода, Белебеевск. у., была найдена (въ 1847 г.) одна такого направленія деревянная икона съ надписью „*Благовѣстіе*“, на которой Спаситель былъ нарисованъ въ противность христіанскаго ученія съ крыльями; на груди у него—херувимъ, другой былъ на лѣвомъ плечѣ, въ правой рукѣ свитокъ съ начертанной на немъ кощунственной надписью: „Духъ Господень на миѣ, его же ради помози (?) мя благовѣстити нищимъ“. Тамъ же отыскался печатный служебникъ, изъ котораго былъ нарочно вырванъ кѣмъ то „чинъ литургіи“, дабы показать своимъ послѣдователямъ, что можно обойтись и безъ нея¹⁾.

Какъ книги, такъ и иконы свободно обращались между сектантами, потому что мѣстное духовенство и полиція не обращали на нихъ вниманія. Лишь съ 1858 г., по распоряженію Оренбургскаго ген.-губернатора, стали отбирать болѣе сомнительныя изъ нихъ, отсылая въ духовную консисторію для опредѣленія пригодности и непригодности ихъ къ обращенію. Благодаря этому обнаружился новый рядъ лжеученій, неавтентическихъ и злобныхъ, всецѣло направленныхъ противъ церкви и православной религіи.

Большинство этихъ „вещественныхъ доказательствъ“ суемудрія сектантскаго отыскивалось среди заводскихъ рабочихъ. У одного мастерового Міяскаго завода Дмитрія Фоминыхъ, между прочимъ, была отобрана рукописная книжка, заключавшая въ себѣ: „чинъ, како подобаеть самому причастити, не имѣя священника“, потомъ „изложеніе скитскаго покаянія предъ образомъ Божиимъ безъ іерея“, составленное будто бы апостоломъ Павломъ, хотя въ то время еще не существовало скитовъ, и наконецъ, „молитву Іисусу Христу“, „како“ всякій вступающій въ расколъ долженъ „отрѣчѣтися отъ Никоновской ереси и проклинати прочіе еретики“, еже остригати браду и усы и глаголющихъ тремъ персты креститися и поющихъ святую „аллилуію“ не по преданію церковному“.

¹⁾ Изъ дѣла Оренбург. центр. архива 22 ноября 1847 г.—Часовня эта была запечатана, по Высочайшему повелѣнію, но потомъ старообръцы изъявили желаніе перестроить ее въ единообръческую церковь, которая и была освящена 24 марта 1856 г. епископомъ Оренбургскимъ Антономъ (авторомъ записки о расколѣ).

Другая была озаглавлена: „Сія святая и боговдохновенная книга, глаголемая Лѣствица“, выпущенная „изъ типографіи короля польскаго въ лѣто отъ сотворенія міра 7293“ (т. е. 1785). По словамъ разсматривавшихъ ее членовъ Оренбургской духовной консисторіи¹⁾, славянскій текстъ ея до того былъ темень, что „знающіе довольно языкъ сей многого понимать не могутъ“. Встрѣчались, напримѣръ, выраженія: „китры ягоды“ (стр. 301), „глаголемыя ересевы травы“ (стр. 398), а еще лучше слѣдующее: „дондеже любосочнаго нашего ума и любопищнаго любочистотна нѣкако, и любопривѣтна простотою и безгнѣвіемъ глубокимъ и прилежаніемъ сотворимъ“ (стр. 16).

Изъ книгъ, доставленныхъ въ 1859 г., были отмѣчены изданная „Королевской Гродненской типографіей въ 7295 (1787) году“ Псалтырь на древнеславянскомъ языкѣ съ приведеннымъ впереди текста толкованіемъ о двуперстномъ (старообрядческомъ) перстосложеніи, какъ „истинномъ и божественномъ“, и двѣ объемистыя рукописи, отобранныя у мастеровыхъ Кусинскаго завода Сабурова и Никулина. Въ первой на 67 лист. были сосредоточены всѣ старообрядческія молитвословія съ перечнемъ „отвратительныхъ грѣховъ и преступлений“, которые могли „растлѣвать воображеніе и сердца простыхъ читателей“. Въ концѣ ея было приложено „слѣдованіе о причащеніи св. водой, по неимѣнію истиннаго причастія тѣла и крови Господней“, которое давало старовѣрамъ поводъ уклоняться отъ общенія съ церковью и игнорировать таинство Евхаристіи.

Другая книга носила названіе „Патерикъ скитскій“; въ ней было помѣщено „покаяніе верховнаго апостола Павла предъ образомъ Божіимъ“, составленное съ явнымъ обморочиваніемъ темнаго люда, невѣдавшаго, конечно, того, что отъ временъ апостольскихъ никакихъ „покаянныхъ молитвъ“ не дошло до нашего времени. А ниже приведенъ весьма характерный причетъ во избавленіе „отъ еретиковъ и поповъ“, названный „молитвой“ же.

— „Отъ Духа Святого на мнѣ печать Христова, Спасова рука, Богородицынъ крестъ... Встану я, рабъ Божій, по утру рано, по ве-

¹⁾ Всѣ нижеприводимыя свѣдѣнія основаны на ихъ журналахъ и постановленіяхъ. Самыхъ книгъ ни я, ни корреспондентъ мой, г. Правдинъ, видѣть не могли, потому что одни изъ книгъ были отосланы въ подлежащія мѣста, другія зачѣмъ то уничтожены. Первую изъ этихъ книгъ отправили въ Орен. духовную семинарію, другую же оставили при миссіонерск. отдѣлѣ консисторіи. Дѣло канцеляріи Оренб. губернатора 1859 г., в. 6, № 372.

черу поздно, при утренней зарѣ, при вечерней зарѣ, при Маріи Маремьянѣ, при красномъ при солнышкѣ, при свѣтломъ при мѣсяцѣ, при частыхъ звѣздущкахъ, закрой и защити меня, раба Божья, своей негнѣнной рукой отч... всякаго супостата, отъ всякой скорби, отъ всякаго колдуна и отъ колдунницы, отъ еретика и еретицы, отъ парня—двоезуба, отъ дѣвки—голючески (sic), отъ двоежона и отъ троежона, отъ *дьяка дьяковича*, отъ *попа поповича*, отъ всякаго злого чело-вѣка¹⁾...

Вотъ какими „бого вдохновенными“ наставленіями кормили своихъ послѣдователей старовѣрскіе главари, сравнивая подъ именемъ „дьяка“—власть гражданскую, и „попа“—власть духовную,—съ еретиками, колдунами, нецотребными парнями и дѣвками, разливая такимъ образомъ въ народѣ еще большее озлобленіе противъ церкви православной и существующаго государственнаго строя.

Повидимому, въ книжкѣ этой заключались и другія крайне ненавистническія „молитвы“ и порицанія, по которымъ можно было бы осязательнѣе выяснить нравственный обликъ раскольническихъ вѣроученій, ради разжиганія въ простомъ людѣ враждебныхъ инстинктовъ и осужденнаго Божественнымъ Учителемъ братоненавистничества. Къ сожалѣнію, члены Оренбургской консисторіи были столь благоразумны, что первую изъ этихъ книгъ „уничтожили“, а послѣднюю—„сожгли“, лишивъ тѣмъ будущихъ изслѣдователей мѣстнаго раскола самыхъ важныхъ указаній на вредность его съ общественной и религіозной точекъ зрѣнія.

Такому же безцѣльному аутодафе были преданы въ 1861—64 гг. еще десять писаныхъ тетрадей, представлявшихъ (даже, судя по малосодержательнымъ консисторскимъ протоколамъ) весьма цѣнный матеріалъ для изученія сектантства въ смыслѣ духовнаго питанія своихъ послѣдователей.

Въ одной изъ нихъ было помѣщено довольно любопытное повѣствованіе о будущемъ антихристѣ. „Онъ родится отъ дѣвки жидовки.—гласило оно;—дѣвка же жидовка сказается жена скверная, сирѣчь—вѣра жидовская. И воспріимуть его съ честію великою царіе земстїи и власти, и патріархи, и епископы, и попове, и діаконны и весь богатыхъ чинь... И воспріимуть челоуѣцы печать его—три тайны

1) Дѣло канцел. Оренб. губ-ра 1859 г., влз. 6, № 393.

антихристовы“. Далѣе пояснялось, что тайны эти „суть три перста десныя руки“, и приведено цѣлое поученіе о крестномъ знаменіи, которое полагають на себя православные, какъ „печать антихристову“.

Въ книгахъ, отобранныхъ у крестьянина дер. Сергѣевки, Уфимскаго уѣзда, Данилы Кулакова¹⁾, обращала на себя вниманіе въ четвертую долю листа тетрадка, въ которой были написаны „слова о царствіи языкъ (sic), послѣднихъ временахъ и сказаніе отъ перваго человѣка до скончанія міра“, приписанное Меодію, епископу „Патарскому“ (Патрскому?), хотя ничего подобнаго, какъ извѣстно, онъ не писалъ,—гдѣ помѣщено указаніе о рожденіи антихриста „въ селѣ(?) Хузиѣ“, нелѣпое пророчество „о возстановленіи Греческой имперіи“ и т. д.—Въ другой такой же рукописи есть интересное поясненіе, что „премудраго царя Соломона печать“ состояла изъ словъ: „сатор“, арено, тенет, о пера, ротас“, разсказывается еще о какихъ то „адскихъ газетахъ, полученныхъ изъ ада на сихъ дняхъ“ и проч. Третья—содержала въ себѣ безпоповщинскаго толкованія о таинствахъ, съ особымъ поясненіемъ „чесо ради раскольники сомнѣваются о новодѣйствующемъ нынѣ въ Россіи крещеніи и для чего они не приѣмлютъ крещенія, совершаемаго по новымъ книгамъ“. Въ заключеніе приложено слово „о сотвореніи сатанинскаго хмѣльнаго питія“.

Но самой интересной книгой, повидимому, были „бесѣды“ какого то „Мниха Палладія“ о второмъ пришествіи Христовомъ, страшномъ судѣ, будущей мукѣ и умиленіи души. Послѣдняя изложена „поэтическимъ“ языкомъ старовѣровъ и повѣствуетъ, какъ „Адамъ, стоя предъ раемъ, вопіеть:

—„Раю мой, раю, прекрасный мой раю! Еввы ради раю заключенъ бысть. Евва согрѣшила, Адама прельстила, весь родъ нашъ отгнала.

—„Адаме, Адаме—ты дех мой господине!—отвѣчаетъ Ева,—не велѣлъ намъ Богъ жити въ прекрасномъ раю..

А потомъ идетъ такой курьезный переходъ: „Воззримъ мы, братія, на дубовые гробы: гробы, вы—гробы, предвѣчныя дома“...

Въ тетрадкѣ этой заключалось еще „сказаніе“ о томъ, какъ „въ мартѣ мѣсяцѣ, въ послѣднихъ дняхъ страстныя недѣли, во святомъ

¹⁾ Дѣло канцеляріи Орен. Губ-ра 1863 г., вяз. 1, № 11.

градъ Іерусалимъ были три мирносицы-жены, имъ на встрѣчу идутъ два жида“.. и приводится, по словамъ консисторскихъ членовъ, разговоръ между жидами и мирносицами о мученіи Христа и его воскресеніи „недостойный(?) пера“.

Тетрадь шестая представляла собой сборникъ разныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ какого то „Хронографа“. Между ними приведено повѣрье, что „отъ Великаго четверга страстной недѣли до Вознесенья Господня души умершихъ бываютъ въ свѣтломъ мѣстѣ, а послѣ паки возьмутся въ мѣсто темное“.

Наконецъ, еще одна книга была сплошь наполнена старовѣрскими „стихосложеніями“ и „молитвенными воздыханіями“ въ родѣ такого:

„Среди самыхъ юныхъ лѣтъ
Вяну я, какъ самый нѣжный цвѣтъ..

Господи помилуй!

Отъ младенческихъ пеленъ
Былъ я Богу посвященъ...

Господи помилуй!“.

Судя по слѣдующему „стиху“: „человѣче, иди въ пустыню, постригися въ рясы черны“,—авторомъ этой книги былъ, повидимому, юный „мнихъ“, посвящавшій свои досуги „боговдохновенной“ раскольнической музѣ въ скитскихъ стѣнахъ на радость своимъ наставникамъ.

Какъ въ другихъ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, такъ и въ Приуральскихъ предѣлахъ по рукамъ сектантовъ ходили во множествѣ списки съ любимаго ими „Апокалипсиса“ апостола Іоанна Богослова, текстъ котораго они до того затемняли своими мудрствованными толкованіями, говорилось въ консисторскомъ постановленіи 1861 года, что „не только невѣжественный кривотолкъ-старообрядецъ, но даже образованный и опытный въ дѣлѣ объясненія Свящ. Писанія человѣкъ не можетъ не затрудниться въ пониманіи его“.

Весьма обильно были распространены тамъ и копіи съ извѣстной челобитной старца Соловецкаго монастыря Кирилла къ царю Алексѣю Михайловичу по поводу Никоновскихъ исправленій, однако со многими своими добавленіями и измышленіями, въ родѣ того, что „византійскому императору Константину былъ показанъ на небѣ крестъ „трисоставенъ“, а не крыжъ латинскій; жезлъ архіерейскій съ главами змія и монашескіе клобуки суть языческое „идолопоклоненіе“.

Похваляясь своей вѣрой, „переданной имъ ангелами и св. отцами“, приуральскіе раскольники увѣряли при этомъ, что „Малая Россія со всѣми западными странами къ Римскому костелу приступили“, по-этому въ „Россійскихъ церквахъ стало запустѣніе и раззореніе, а въ государствѣ—глады и моры“. Заканчивалась челобитная, конечно, хулой православнаго ученія, „новаго и непотребнаго“, съ выкрикомъ: своего же „апостольскаго и отеческаго преданія измѣнять, хотя бы намъ угрожали муками и смертію, во вѣки не будемъ“...

Соотвѣтственно этимъ взглядамъ, по наученію раскольническихъ руководителей, писались и старообрядческія иконы, дабы этимъ путемъ еще больше поселить въ своихъ пасомыхъ увѣренность въ богоотступничествѣ и еретичествѣ „нечестивыхъ никоніанъ“. Иконы эти свободно продавались въ лавкахъ и на базарахъ. На одной изъ нихъ, отобранной въ 1864 г. на Стерлитамакской ярмаркѣ, подъ названіемъ „Спасъ благое молчаніе“, Христосъ былъ изображенъ съ лицомъ огневиднымъ, двумя золотистыми крыльями и ключемъ, повѣшеннымъ на черномъ шнурѣ въ правой рукѣ. Другая икона—Божьей Матери, именуемой „Неопалимая Купина“, Предвѣчнаго Младенца доморощеннаго богомазь нарисовалъ въ двухъ ликахъ: на лѣвой сторонѣ съ благословляющимъ старообрядческимъ (двуперстнымъ) крестомъ, а на правой—въ архіерейскомъ омофорѣ.

Особеннымъ „богомазаніемъ“ отличались въ 60-хъ г. стерлитамакскій крестьянинъ Алексѣевъ и бугульминскій мѣщанинъ Заглядинъ, котораго я зналъ лично. Это былъ заядлый фанатикъ раскола, непризнававшій никакихъ святоотеческихъ сказаній, проповѣдуемыхъ православною церковью. Много говорилъ, но ничего не зналъ, благодаря полному своему безграмотству и отсутствію ума и разсудка. Съ искусствомъ иконописанія онъ былъ совершенно незнакомъ, а между тѣмъ малевалъ и при томъ всегда такое несуразное, что не имѣло и тѣни сходства съ человѣческимъ образомъ. Какъ явствуетъ изъ одной архивной переписки¹⁾, имъ была написана икона „Еже отъ Едеса принесеніе Нерукотвореннаго образа Г-да Б-га Сп-са Іса Христа“, на которой врата, стѣны и самый городъ были изображены „нелѣпо“. Нарисованный надъ вратами челоуѣкъ безобразно висѣлъ въ воздухѣ, держа образъ Спаса; предъ вратами—Авгарь царь, окруженный народомъ, и трое изъ народа дѣлающіе поклоненіе образу—были такъ размалеваны разнаго цвѣта грубыми красками, что совсѣмъ невозможно было понять ничего.

¹⁾ Дѣло канцел. губ-ра 1864 г., вѣз. 1, № 13.

Лѣтъ тридцать занимался Заглядинъ своимъ ремесломъ и всетаки не научился ему и кое-какъ перебивался съ грѣхомъ пополамъ. Онъ метался изъ одной секты въ другую, стараясь какъ нибудь пристроиться къ тепленькому мѣстечку наставника, но это ему никакъ не удавалось. Когда же въ 70-хъ гг. послѣдовало генер.-губернаторское распоряженіе, воспрещавшее продажу старообрядческихъ иконъ въ лавкахъ и на ярмаркахъ, онъ, лишившись, такимъ образомъ, послѣдняго скуднаго заработка, пробрался какъ то въ Оренбургъ, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ безуспѣшно обивалъ пороги у богатыхъ и вліятельныхъ раскольниковъ, потомъ принялъ единовѣріе и какимъ то путемъ успѣлъ снискать себѣ расположеніе честолюбиваго Оренбургскаго епископа Макарія (предававшагося несуразной духовной поэзіи), который сначала сдѣлалъ его епархіальнымъ миссіонеромъ, а затѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, рукоположилъ въ единовѣрческіе священники. И безграмотный Заглядинъ сдѣлался послѣ того „большимъ“ человѣкомъ¹⁾...

П. Юдинъ.

¹⁾ Такимъ же темнымъ прошлымъ отличался и покойный синодальный миссіонеръ О. Крючковъ (котораго я также зналъ лично). Добившись силы и власти, онъ дралъ съ раскольническихъ наставниковъ солидные куши за протекцію на посвященіе въ единовѣрческіе священники. Помню, моему отцу было предложено мѣсто дякона въ Оренбургской единовѣрческой церкви, если онъ дастъ... 500 руб. Къ сожалѣнію, у него такихъ денегъ не нашлось. Грустно только, что наши Св. Синоды вѣрять такимъ шарлатанамъ и проходимцамъ!..